

Вячеслав Архипов

БЕСЕДЫ НА ЗАВАЛИНКЕ

Рассказы

1

Тихий летний вечер. Рыжий кот лапой сбивает одуванчики. Стрекохут и лениво перескакивают с места на место кузнечики. На две трети высохшая черёмуха облокотилась на крышу дома, поддерживая строение с покосившимися окнами и облупленной краской. Оперевшись друг на друга, они стойко переносят и дождь, и пургу, поскрипывая ставнями и помахивая ветками. Возле калитки вместо скамеечки доска на обрезках шпал. На ней сижу я. Ни хозяин, ни гость – переكاتи-поле. Блудный сын своих родителей, болтавшийся до поры в дальних краях и вернувшийся, когда родителей уже не стало. На похоронах матери не был, у отца разве, что присутствовал. Словом не успел перемолвиться, не то, что попросить прощения. Рок какой-то. Жена моя и дети тоже далеко, придётся ли свидеться.

Рядом со мной на скамейке ещё, крепкий, семидесятилетний старик Прохор. С морщинистым лицом, покрытым недельной щетиной, На голове мятая фуражка. Прохор типичный русский деревенский мужик, со своей житейской мудростью и хитрецей. Старик живёт недалеко, и случается, мы коротаем вечера в беседах на самые разные темы. Прохор любопытный, думающий и оценивающий многие события по своему, поэтому собеседник желанный.

– На рынок-то ходил? – спросил он, покуривая сигарету и щурясь одним глазом от дыма.

– Нет.

– Батя, твой каждый выходной ходил, как на работу. Встретит кого, поболтает – всё развлечение.

– Его полгорода знало. Поросят кастрировал хорошо. За ним приезжали через год после смерти.

Помолчали. Прохор докурил, затушил окурок о каблук сапога и растёр остатки пальцами.

– Я ходил сегодня на базар, цены растут каждый выходной, – сказал старик, – Как ты думаешь, скоро легче станет, а то пенсия за ценами не поспевает.

– Ну, а как ты хотел? Цены новые, молодые и растут быстро, а пенсия старая, где ей

поспеть?

– Оно, конечно, так, – согласился Прохор, – Только смех смехом, а в магазин хоть не ходи.

– У нас всегда так: деньги есть, в магазинах шаром покати, если в магазинах изобилие, то в карманах пусто. Баланс. Это, чтобы жизнь мёдом не казалась, – мне всегда нравилось говорить, на эту тему со стариками. Я специально заострял разговор, хотелось послушать, как пожилые люди реагируют на новые порядки.

Кто ругается почём зря, кто молчит и соглашается, но никто не одобряет. Потому, как, у рабочей власти всегда всё получается против рабочих.

– Слушай сосед, ты в четыре раза получаешь пенсию больше моей и не хватает, а мне, что делать? – спросил я.

– А сколько ты получаешь? – недоверчиво спросил Прохор.

– Тысячу, а ты четыре, так?

– Так, а чего тебе тысячу? – сосед снова полез за сигаретой.

– У тебя по старости пенсия, а у меня третья группа инвалидности.

– Рабочая?

– Рабочая – то, рабочая, да только целый список написали чего нельзя.

– По безработице встань.

– Стою. Платят ещё восемьсот шестьдесят, но половину нужно прокатывать на автобусе.

– Зачем?

– Каждый день нужно самому искать работу и делать отметку в бумажке, что ты не нужен.

– И, как ты живёшь?

– Весело.

– Что ж весёлого? – Прохор, наконец, прикурил сигарету.

– Что весёлого? Ты слышал, наверное, монголо-татары Русь захватывали.

– Ну, когда это было?

– Давно, но дело вот в чём: посылает хан своё войско собрать дань с Руси. Поехали посильные, собрали дань. Хан спрашивает: «Что русские делают, как себя ведут?» «Русские молчат» – отвечают посильные. Отправляет хан второй раз. Привезли ещё дань и говорят, что русские ругаются. Посылает хан ещё, привезли дань, говорят, русские плачут. Посылает хан ещё, привезли, говорят, что русские смеются. «Вот теперь у них ничего нет» – сказал хан. Как тебе присказка, понравилась? Понимаешь, почему весело?

– Понравилось. И тебе весело?

– А что мне? Я один, картошки накопаю, капусты наквашу и ладно, Вот только не знаю, как с дровами. Как-нибудь.

– Без огорода нынче никуда, – согласился старик.

– Оно так было всегда. Родители мои, царство им небесное, корову держали, свиней, картошку садили по тридцать соток. Света белого не видели, а, что у них особенного было? Ничего. В больницу сходить некогда, скотина на дворе, ухаживать надо. Да ты и сам знаешь, такую же жизнь прожил.

–Такую, – Прохор уставился в одну точку, раздумывая о своём.

– А ты? – старик встрепенулся, – ты поездил по свету, посмотрел жизнь, картошку растил или покупал?

– Когда в Иркутске жил, бывало, и растил, но в основном покупал.

А за границей там сами не выращивают. Земля дорогая и вода, дешевле купить в магазине.

– И как там живётся? Как у нас или полегче, хотя я не думаю, что легче.

– По-разному, – ответил я, вспоминая свою жизнь за границей

– Потом расскажу как-нибудь.

– Ну-да, пора домой, поздно уже, – старик поднялся, кивнул мне на прощание и медленно пошагал домой, заложив руки за спину.

Солнце ещё светило, но день уже угасал. Потянул лёгкий ветерок, зашелестели редкие листья на старой черёмухе. Рыжий кот сидел на заборе и изредка вертел головой, наблюдая за воробьями. Я поднялся и подался домой. День прошёл.

Январь 2009 г.

2

На скамейке возле дома трое. Кроме меня и Прохора ещё дед Евдоким, но все в округе зовут его Евдоха. Мужик никчемный, но безвредный, поэтому если где в компании ему и не радуются, но и не прогоняют. Перед нами на чурке «полторашка» пива, наполовину пустая и два стакана, сомнительной прозрачности.

«Зараза к заразе не пристаёт». Пивом балуемся Евдоха и я. Прохор давно и окончательно «завязал» с этим баловством, а вот с табаком не может. В метре от нас двухмесячный чёрный щенок оседлал рыжего кота и пытался отгрызть ему ухо. Кот фыркал, отбивался лапой, но щенок не унимался. Наконец коту надоело, он с силой лапой ударил щенка по уху и заскочил на забор. Щенок от неожиданности сел, закрутил головой, не понимая, куда подевалась добыча. На ухе у щенка выступило несколько капель крови. Он ещё некоторое время дёргал им, потом поплёлся к калитке, улёгся, уронив, голову на лапы, закрыл глаза.

– Охотничий, – одобрительно сказал Прохор, – не завизжал.

– Ну, что ты, – поддакнул Евдоха, не понимая иронии, – Ты небо посмотри, если чёрное, то на зверя пойдёт.

– Колонка уже на забор загнал, – сказал я, намекая на рыжий цвет кота,
– Если чёрного лохматого соседского одолеет, то не надо и в рот заглядывать.

– Осилит! – Евдоха завёлся, – ты посмотри, какой у него хвост, весь в кольцо уместился. А у охотничьих собак главное чтобы и кольцо уместился и не свешивался.

– Откуда свешивался? – спросил я.

– Откуда? Известно откуда! Ну, это, со спины.

– А хвост кольцом зачем? – поддел Евдоху Прохор, – чтобы дичь ловить?

– Как зачем? Собака же по лесу бегают, чтобы за кусты, там разные не цеплялся, – старик стал что-то кричать, размахивая руками.

– Сосед, ты давеча обещал рассказать про жизнь за границей, – спросил меня Прохор, перебивая Евдоху.

– А чего про неё слушать? – быстро переключился Евдоха,

– Включи телевизор, и вся заграница у тебя дома. Да, что там заграница? Вчера ночью включил телевизор, а там такое: баба голая титьками, туда-сюда и на мужика верхом, и он на ней и спереди и сзади.

– А мужик-то одетый? – подзадорил я.

– Какой одетый? – Евдоха приглушил голос, – жалко не досмотрел, чем кончилось.

– Чего так? – поддел Прохор.

– Старуха моя заворочалась, так и выключил.

– Вместе с ней и досмотрел бы, глядишь и молодость вспомнил.

– Ты, что! – возмутился Евдоха, – Ухвата, слава богу, нету, а кочергой досталось бы и мне, и телевизору. Рука у неё тяжёлая.

– Здорово, мужики, можно посидеть с вами, отдохнуть? – мужчина, внезапно свернувший с дороги и подошедший к нам, выглядел так, что через некоторое время после и не вспомнишь, какой он был. Серенький, невзрачный такой. Одет в обычный костюм, рубашку. Лицо обыкновенное, неприметное, только глаза грустные, усталые.

– Чего ж нельзя, присаживайся, – пригласил Прохор.

– Пива попей, – предложил я и наполнил стакан.

– Спасибо, мужики, я отдохну немного и пойду, – он взял стакан и отпил немного.

– Как это разрешают показывать? – после некоторой паузы продолжил Евдоха, – Раньше бы за такое кино полетели бы шапки, сейчас, нате вам.

– Сейчас это обыкновенная эротика. Ты вроде взрослый мужик, что обнажённых дам видел?

– Ты тоже видел? – спросил меня Евдоха с явным интересом.

– Я же не вчера родился, сейчас этого добра смотри – не хочу, чуть не по всем каналам. Только ты, Евдоха, не в то время родился, были времена, что в общественных банях вместе мылись и мужики, и бабы. И это было нормально.

– А ты откуда знаешь? – ещё больше удивился дедок.

– Давно живу, – усмехнулся я.

– И сам ходил в такие бани?

– И голыми титьками трести перед всеми, это уже сейчас нормально? – спросил Прохор.

– Мужики, вы из какого времени? – удивился я, – сейчас у нас новости, всякие сенсации, максимумы и прочее смотреть нельзя, ведущие завывают так, что хоть уши затыкай. В эротических фильмах хоть музыка играет, а в прочих программах орут: «Убили! Ограбили! Сгорели! Развелись, разодрались и прочее».

– Да, сейчас только и слышно, что занимаются любовью, будто раньше этим никогда не занимались. А сейчас названия какие-то, секс там всякий, разборки, стрелки куда-то забивают, одним словом – хреновина.

– Я думаю, что занятия любовью и секс – это разные вещи, – вдруг промолвил незнакомец.

– Слова разные, суть одна – блуд, – буркнул Прохор.

– И суть разная, – незнакомец приподнял голову, склонил слегка набок, чуть-чуть дрогнули морщинки у рта, и едва уловимая улыбка коснулась глаз. Внешне ничего не изменилось, но лицо просветлело. Что-то вспомнилось.

– Секс для тела, а любовь для новой жизни, – медленно продолжал он. – Женщина – это, прежде всего мать, в ней происходит таинство зарождения новой жизни. Любая жизнь должна зарождаться в любви и от любви. По природе своей так должно быть, – незнакомец ненадолго замолчал и задумался. Мы с Прохором переглянулись, недоумевая – куда, это, мужика понесло. – Вот смотрите, – продолжал незнакомец уже взволнованно, – Природа перед дождём: сначала ветерок расшевелит каждый листочек на дереве, каждую травинку растолкает, разбудит. Готовьтесь, сейчас будет дождь, просыпайтесь. И затаившаяся природа, словно, обнажённая женщина. Прикоснись к ней нежно, ласково, начиная от мизинчиков к каждому пальчику, к каждому суставчику, к каждой жилочке.

Разбуди каждую частицу, каждую клеточку. И женщина, та, что внутри, та, которая будущая мать – она оживает, она просыпается...

...перед самым дождём вдруг наступает тишина. Ничего не шелохнётся. Природа затаилась в ожидании...

...женщину охватывает волнение. Поцелуи перехватывают дыхание. Губы трогают грудь. Сердце вот-вот выскочит. Пальцы скользят по животу, по бедру. От ласковых прикосновений тепло охватывает всё тело. Дыхание почти остановилось, и только в висках: тук-тук-тук. Женщина готова, она ждёт ...

...первые капли дождя, ещё лёгкие, ещё мелкие, коснулись листочков, разбились вдребезги. За ними другие и другие. И уже на листьях из множества капелек – пылинок собираются большие, настоящие капли. И скатываются вниз. Они для жизни, они дадут

жизнь другим...

...женщина ощущает, что-то трепетное, желанное, входящее в её таинство, неизведанное, но уже очень и очень любимое...

...дождь усиливается. Капельки весело перепрыгивая с листочка на листочек, стучат, гомонят, радуются, они несут с собой обновление...

...вдруг всё внутри взрывается разноцветным фейерверком, в ушах звучит необыкновенная музыка. Тело не чувствуется и, кажется, парит в невесомости. Блаженство, восторг, радость. Праздник зарождения новой жизни...

...уже намокли листья, и капли скользят по ним, не задерживаясь. Становится всё тише и тише...

...отзвучала музыка, закончился фейерверк. Уже чувствуется лёгкое покалывание во всём теле. Нежные поцелуи осыпают глаза, губы, шею. Она измождённая, но счастливая. И только почему-то хочется плакать...

– Всё-таки секс – это другое, – незнакомец замолчал и ещё выпил глоток пива.

– Чё-то я не понял, – вдруг громко спросил Евдоха, – Там чё две бабы было?

– Нет. В каждой женщине словно две: одна на работе, по улице идёт, а другая – мать. Это разные ощущения, разные ценности.

– Так сколько баб-то? – не унимался Евдоха, – две или, как?

– Спасибо за пиво, я, пожалуй, пойду, – незнакомец поднялся и вышел на дорогу.

– Со стакана пива такого наплёл, – матюгнулся Евдоха, – за титьки подёргай, пузо почешу, две бабы какие-то. Одна спит, другая хрен знает что. А может он чего раньше хлебнул?

– И пиво не допил, – заметил Прохор, – и куда он подевался?

Мы посмотрели на дорогу. Незнакомца не было. Непонятно, как он так быстро смог дойти до переулка и куда-то свернуть.

– А ты не видел, откуда он пришёл? – спросил я, – может, раньше встречал где?

– Нет, не знаю. Я и не смотрел по сторонам. Он неожиданно появился перед нами, исчез шустро. А чего он тут болтал, ты понял?

– Понял, – ответил я.

– Чего понимать? – Евдоха поднялся, – в дурдом сдавать надо.

Две бабы какие-то, ещё и дождь пошёл.

– Угомонись ты! – прикрикнул Прохор. – Ну и, что?

– Да, ну вас, домой пойду, – Евдоха захватил бутылку с остатками пива и пошагал к дому.

– Я думаю, что он душу нам хотел открыть. Как в поезде. Незнакомым людям всё можно рассказать.

– Про это понял, а вот секс там, то да сё.

– Не в сексе дело. Я думаю, что он хотел сказать, что к женщинам мы мужики относимся

не по-людски.

– То есть?

– Он говорил, что есть женщина на работе, на улице, в магазине, – в общем, чужая. С ней можно переспать – вот это секс, а есть жена, мать твоих детей, и относиться к ней мы должны по-особенному. Ты когда свою последний раз приласкал? – спросил я.

– Как, так приласкал? – недоумевал старик.

– Собака и та любит, чтобы её погладили.

– Собака-то понятно, – согласился старик.

– Понял, что сказал? – усмехнулся я.

– Что сказал?

– Собака, значит, достойна, чтоб её гладили, а бабка, с которой ты лет сорок прожил, которая тебе варила, стирала, убирала за тобой, недостойная.

– Нет, смутился старик, я не это хотел сказать. С какого боку к ней подойти? Вот вопрос.

– Ты спереди к ней подойди, обними и поцелуй, – я подтрунивал над Прохором.

– Подойдёшь тут, – совсем растерялся старик, – небось, оплеуху и получишь.

– Получишь, если смолodu не целовал.

– Ну, тебя, пойду, – Прохор стал сердиться.

– Иди, – я тоже пошёл домой.

На другой день ближе к обеду я пошёл в магазин. На высоком крыльце, в окружении трёх старух, стоял Евдоха и рассказывал.

Невдалеке стояла ещё одна женщина и кого-то высматривала на другом конце улицы.

– Вчерась, один мужик рассказывал, что в каждой бабе есть ещё одна, – говорил Евдоха.

– Какая ещё одна? – удивлялась одна из старух, – чё-то никогда не слыхала, Может, ведьма, какая?

– Есть! Есть! – уже громче заговорил старик, – и та, что внутри жуть, как любит поспать. А когда надо на работу, она сама не проснётся, её надо будить.

– А которая не внутри чего? – поинтересовалась другая старуха.

– Ну, та с утра на ногах, – заверил Евдоха.

– Чудно, Может и, вправду ведьма, какая. Вон у соседки куры стали пропадать, – засомневалась ещё одна старушка.

– Которая внутри спит, её будить значит так: Первое это нужно поцарапать коленки, почесать пузо, подёргать за титьки, и нужно ждать, когда пойдёт дождь, – заявил старик.

– Дождь-то зачем? – спросила одна из старух.

– Вот тут я маленько не понял, но мужик сказал, что без дождика не проснётся, – Евдоха был очень доволен.

– Не проснется, говоришь? – спросила женщина, стоявшая поодаль.

– Ни в жизнь, лучше и не пытаться, – дедок даже заволновался, сразу столько внимания.

И вдруг женщина таким голосом, от которого у бедного старика мгновенно исчезла улыбка, проговорила:

– За титьки, говоришь, поддёргать. Привыкли дёргать, Пожалеть вас – нету. Себе за «хозяйство» поддёргай, а то дай я дёрну да собакам выброшу, – она направилась к старику.

– Ты, что? Ошалела? – взвизгнул он и задом попятился от женщин.

– Вы прямо из хлева руки не помоеете, а к бабе под подол тянетесь, Я уже, про другое, не говорю. Потом у половины женщин то рак, то миомы, то ещё какие другие болячки. Уйди лучше, – женщина успокоилась так же быстро, как и возмутилась. Она с ровной спиной, гордо поднятой головой, уходила неторопливо и не оглядываясь. Все кто был свидетелем этой сцены, молча смотрели ей вслед. Евдوخа поспешил удалиться следом.

Прохор остановил меня возле своего дома.

– Я всё удивляюсь вчерашнему мужику. Появился и исчез, что, твой ангел.

– А может и ангел? – согласился я.

– Скажешь, тоже – ангел. Ангелов не бывает, это просто так говорят.

– Слышал я Прохор такую историю от людей, может врут, а может и не врут. Дело было в войну. Поймали немцы одного человека и спрашивают его:

– Ты коммунист?

– Да, – отвечает тот.

– Политрук?

– Да.

– Еврей?

– Да.

– Офицер?

– Капитан.

– Утром расстреляем тебя, – сказали.

– Хорошо, – согласился человек. А ночью был обстрел, немцев побило всех, а тот человек и ещё один, который поведал эту историю – живые и хоть бы тебе царапина. Наутро попали к нашим, и в особом отделе его спрашивают:

– Немецкий шпион?

– Да.

– Предатель?

– Да.

– Трус?

– Трус.

Повезли его на допрос в тыл, да, говорят, машину разбомбил самолёт. Всех побило, а этого мужика не нашли ни живого, ни мёртвого и уцелеть он не мог. И тот, который поведал про это, рассказывал, будто бы это был Каин. Будто ходит он и ищет смерти, а бог не дал ему

смерти и обрѣк его на вечные скитания.

– Ты это к чему? – спросил Прохор.

– А к тому. Если бог обрек Каина на вечные муки, то и ангела мог прислать.

– Для чего?

– Чтобы научил нас, дураков, что женщину любить и жалеть надо когда она рядом, Когда ей нужно это, а не когда «рак на горе свиснет».

Я медленно брёл домой и думал: «Вот для чего-то пришёл человек, растревожил душу и оставил в сомнениях: А так ли мы живём? А может он и вправду ангел? Только одного ангела нам мало будет.

– Господи! Помоги нам! Вразуми нас, что величие России от женщин. Что святость Руси от женщин. Что сила России от женщин, ибо она, Русская Женщина тянет и детей, и мужа, и страну с её правителями болтунами.

– Господи! Дай ей хоть немного роздыху!

– Господи! Дай ей силы.

– Господи! Дай ей любви и ласки.

– Господи! Дай ей терпения.

– Господи! Не оставь её... Господи!

Февраль 2009 г.

3

– Кобель-то твой растёт? – Прохор пришёл на вечерние посиделки, – уже и ошейник сладил ему.

– Растёт, – согласился я, – Котов всех на заборы загнал. Скоро горе ему, на цепь садить надо.

– Так малой ещё.

– Весь огород затопчет.

– Калитку закрой и всё.

– Всё равно надо приучать понемногу, – сказал я, – кроме калитки в заборе дырок много. Пролезет в огород. Надо ломать все загородки и делать новое, а деньгами, сам знаешь, сейчас не богато.

– Это, конечно, – согласился сосед, – надо ещё работу искать.

– Молодым работы нет, а нам и подавно. Сейчас и в огороде работы много, да и постройки старые ломать надо. А к осени дрова нужно покупать, только где денег взять? Да, ладно, будет день, будет пища, как говорится.

– Ну да. Твои-то не помогают? – спросил старик.

– Мои – это жена и дети. Дочь уже взрослая, а сын школу заканчивает. Живут за

границей.

– Ты думаешь, там мёдом намазано? – Жена одна сына тянет, а у дочки свои проблемы. Кризис по всем ударил, хорошего мало.

– А ты чего уехал? – спросил Прохор.

– Здоровья не стало, и уехал, – ответил я, – вообще-то я отца проведать ехал, а отец взял, да и не дождался. Я подумал и решил не возвращаться. Там я уже работать не мог, жара, а у меня «мотор» ослаб. А работать там нужно не, как здесь. Там вкалывать надо, иначе выкинут с любой работы. Врачи сказали мне готовить документы на инвалидность, только на инвалидности семью не прокормишь, скорее сам станешь обузой. А кому нужен хомут лишней? Сидеть на шее не захотел, вот и решил остаться. Одному немного надо. А денег присылают иногда, на день рождения посылку прислали, вещи разные. Я-то сам не прошу. Хорошо звонят, а мне ничего больше и не нужно. Спасибо и на том.

– Что пенсии там, как и у нас никудышные? – спросил сосед.

– Пенсии нужно самому зарабатывать, а так дают пособие по старости. А пособие, оно и есть пособие. С инвалидностью тоже так, если полуживой – платят неплохо, если на ногах то «хрен вам».

– А, работы там, какие?

– Работы-то? – усмехнулся я, – работы хорошие. Чернорабочим на стройку, рабочим на кухню, улицы подметать. Самое лучшее на кухню.

– Ага, подальше от начальства, – засмеялся Прохор.

– Зря смеёшься, – я вспоминал все свои работы, – обед бесплатный, а самое главное, воду с собой носить не надо.

– Чего там воды нет? – удивился сосед.

– Вода есть, но не всякую пить можно. Жарко, происходит обезвоживание, голова болит, некоторые в обморок падают. Воды нужно много пить, не меньше трёх литров в день. Поэтому все ходят с бутылками и взрослые и дети. Вот и представь себе, как на жаре работать, сколько воды нужно с собой носить. Вечером ещё и помыться надо. А платят везде одинаково – минимум. Платили бы и меньше, законом запрещено. Чтобы заработать надо часов двенадцать каждый день работать, не меньше, а мне приходилось и по двадцать, в среднем по пятнадцать.

– Это сколько же в месяц?

– Выработывал по триста часов в месяц.

– И сколько за это платят?

– Я получал около полутора тысяч долларов, и то, потому что организация была нормальная, и платили по закону, не обманывали.

– И сколько это на русские?

– Немного. Пятьсот за квартиру отдай, триста другие выплаты, четыреста ссуда и считать

ничего. Хорошо, что вдвоём работали, так выкручивались, а иначе никак.

– И, что за работа у тебя была? – спросил сосед, что делал?

– Всё и даже немного больше. Поднимаешься утром в половине шестого утра. Час на автобусе, и в восемь ты уже переодетый. Выпил стаканчик кофе вприкуску с сигаретой и началось: Приготовь, принеси, отнеси, привези, помой, подай, пошёл «на хрен» не мешай, и в таком темпе до половины первого время пролетает, как одна минута. Там твои полчаса на обед, но есть не хочется. Берёшь кофе, сигарету и куда-нибудь в тенёк, но тебя уже ищут, кричат, а ты не слышишь, материшься сначала тихо, про себя, потом во весь голос. Русский мат понимают все. «Что это? Что это? – спрашивают, – Почему ты говоришь так? Как я могу объяснить им, что я так настраиваюсь на другую часть дня. Запускаю посудомоечную машину. Пошла посуда. Я ору во весь голос песни про русские берёзы, про клён опавший, и про всё, что лезет на ум. Шефу не нравится мой концерт, он орёт, чтобы я прекратил, а я «по-ихнему не понимаю» и продолжаю орать. Между делом опять: принеси, унеси, протри, помой, выбрось. Время к пяти. Обеденная горячка закончилась, идёт подготовка к ужину. Ещё через некоторое время ужин развезли по этажам. Повара ушли, остался один. Можно ещё сигарету, но недолго. Быстро нужно вымыть столы, полы, перемыть посуду после ужина на машине, вывезти мусор. Всё, закончил. Время десять вечера. Через полчаса я в автобусе. Кондиционер работает хорошо, прохладно. Смотрю в окно на вечерний город. Народу много, но никто никуда не спешит. Ресторанчики, бары расположились на тротуарах, но не хочется туда – чужое всё. Автобус всё тащится и тащится. Вот, наконец, и моя остановка. Время одиннадцать. Небольшой магазинчик ещё открыт, словно меня ждёт. Хозяин знакомый. Не спрашивая, даёт бутылку водки и пластиковый стаканчик три банки пива и пачку сигарет на закуску. Беру всё и иду на знакомую скамейку. Всё, сел. Боже, как я устал. Выпил стаканчик водки, запил пивом. Пиво тёплое, но зато дешёвое, по скидке, как и водка. Закурил. Усталость растекается по телу, заныли ноги и спина. Неужели день закончился? Откинувшись на спинку, смотрю в небо. Там среди звёзд должны появиться мерцающие огоньки – это улетающие самолёты. Я сижу на скамейке и провожаю эти огоньки глазами. Пью водку, запиваю тёплым пивом, курю и смотрю, смотрю. Придёт время, и я улечу. Закрываю глаза и вижу окно, с треснувшим стеклом, заклеенным синей изолентой, за окном черёмуха машет голыми ветками, по дороге лёгкая позёмка. Красное солнце примостилось на трубе соседской бани. Хорошо и спокойно... Допиваю водку из горлышка, выбрасываю пустую банку из-под пива под скамейку (завтра заберут и сдадут) и закуриваю последнюю на сегодня сигарету. На душе муторно, нет ни каких желаний, и только тоска, тяжёлым мешком на плечи, и выть хочется до одури. Захожу домой. Все спят, время половина первого ночи, а будильник заведён на половину шестого. Надо уснуть, ещё есть время.

– И, что каждый день так? – спросил старик.

– Бывает и покруче.

– А хорошее есть что-нибудь?

– Есть, конечно.

– Что?

– Давай в другой раз. Ромка! Ромка! – позвал я собаку. Щенок, уже, знавший свою кличку, завилял хвостом и счастливый побежал в ограду.

– Побалуй, побалуй последнюю ночь, завтра, как посажу на цепь, вот уже повоешь.

Март 2009 г.

4

– Ну, что, посадил собаку на цепь? – спросил Прохор, подсаживаясь рядом.

– Посадил, – усмехнулся я.

– Слышал, слышал. Воет по-взрослому. Вчера проходил мимо, аж, за душу берёт.

– Пусть привыкает. Я его, в общем-то и брал для дома. Тот лаял, когда жрать хотел, и на котов. Кто, бывало, в ограду зайдёт, так нос из конуры не высунет. Зачем такая собака во дворе, кормить, разве, что?

– Без собаки в своём доме нельзя. Воровать особо нечего, а двор без собаки – сирота. У меня их две.

– Да, – согласился я, – В доме нужна и собака, и кошка. Услышав мой голос, щенок стал лаять и подвывать.

Из-за угла вырулила машина и сразу остановилась. До неё было метров пятьдесят, и с такого расстояния мы с Прохором, что водитель с пассажиркой стали целоваться.

– Гляди-ка, серьёзно у них. Видно, шибко приспичило, – усмехнулся сосед.

– А, что такого? Обычное дело. Сейчас на виду у всех – не криминал, наверное, молодёжь.

– Дело житейское, – согласился сосед. Мы продолжали, молча наблюдать. Прошло минут десять-пятнадцать, когда дверка, наконец, открылась, и из машины вышла женщина средних лет, симпатичная, хорошо одетая. Ничего особенного в ней не было, но так долго целоваться со своим мужем в машине она не стала бы. Женщина прошла мимо нас, не повернув головы. В это время машина обогнала её и свернула в переулок. Женщина пошла в другую сторону.

– Мне, кажется, я её где-то видел, – пытался вспомнить это лицо.

– Да, знаю я её, – сказал старик, – живёт она на соседней улице, я и её мужика знаю, и дочка у неё в школу бегают, небольшая ещё. Нет, ты посмотри, что бабы делают, – возмущался Прохор, – дома семья ждёт, а она «кренделя выписывает!» Сейчас придёт домой и, как будет смотреть в глаза мужику своему! Нет, ты видел, а? – возмущению соседа не было предела. – Ты, вот, помоложе меня будешь, скажи мне, вот чтобы ты сделал на

месте её мужика, если бы узнал? – спросил Прохор. Я не ответил. Мне вспомнилась история, которая произошла со мной, и одной прекрасной дамой. Случилось история давно, но я всё помню, словно это было вчера.

– Ну, чтобы ты сделал? – настаивал сосед, – вот так бы простил, по голове погладил или прибил бы, как шkodливую кошку.

– Я не хочу быть на месте её мужа, – а, вот историю одну, пожалуй, расскажу, благо, что много лет уже прошло:

– Познакомились мы случайно, – начал я рассказывать, – в начале сентября. Почти год прошёл, как я вернулся со службы. Был высокий, худой, не то, что сейчас, девкам нравился, вот только была одна проблема. Привязалась ко мне одна поганенькая болезнь. Вроде бы не сильно болела, не заразная, а, вот, раздеться где-нибудь на пляже было неудобно, даже неприлично. Пошёл я лечиться в местную больницу, думал, за зиму поправлю своё здоровье, а летом все девки, будут наши. Вышло совсем наоборот. К началу лета со мной творилось невообразимо, ноги раздулись, ходить приходилось в комнатных тапочках, другую обувь носить было невозможно, всё тело болело. Боль выворачивала наизнанку. Были мысли покончить с этим раз и навсегда. Единственно, удерживало, мать было жалко. Она, бедненькая плакала в платок, прятала слёзы, чтобы я не видел. В больницу решил больше не ходить.

Через пару месяцев такого дикого существования, болезнь стала понемногу отступать. Но все равно с девчонками я стеснялся встречаться.

Однажды, к нам на работу привезли продукты. Торговали в большом помещении, там, где проводили собрания. Народу собралось много, в те времена с продуктами было совсем неважно, ты не забыл те времена?

– Помню, но много лет прошло, – сказал Прохор.

– Цеха нашего предприятия находились в разных местах, поэтому многих людей я не знал. Да, и работал ещё недолго. Нас, компанию молодых раздолбаев, отпустили с работы пораньше, чтобы мы осчастливили свои семьи «синими» курами и ещё чем-нибудь.

А нам это надо было? Мы были неженатыми, и стоять в очередях было ни к чему, разве, что за водкой, но тогда она ещё продавалась свободно. Около столов давка, немногие могли подойти поближе, посмотреть, что там дают. Вот тут я и увидел её. Она была небольшого роста, с коротко постриженными белыми волосами, в ярком костюме, с хорошенькой фигуркой. Девушка вставала на цыпочки и старалась заглянуть через плечи упитанных тётенок, правда, получалось у неё не очень удачно. Я отделился от своих друзей, взял её за талию и немного приподнял. Она, не оборачиваясь, осмотрела всё, что продавалось, и сказала: «Поставь на место». Я поставил. Обернулась. «Спасибо», – она улыбнулась и, оценивающе, осмотрела меня. Пока я стоял остолбеневший, она ушла. На ходу оглянувшись, подмигнула мне и скрылась за дверью.

Друзья ржали надо мной. Наверное, вид у меня был сомнительный. Потом мы ещё вместе посмеялись над моим ступором и разошлись. Я шёл домой и думал, что эта девушка похожа на одну популярную киноактрису.

На другой день я уже не вспоминал о ней. Однако встретились мы с ней довольно скоро. Через несколько дней меня отправили работать в колхоз, как тогда делали. Утром мы садились в автобус и ехали на поле дёргать турнепс, а вечером возвращались домой. Ездили в основном женщины, молодые и не очень, а из нашего брата было двое или трое человек, чтобы делать тяжёлую работу и, чтобы немного разбавить женский коллектив. Вскоре мы все перезнакомились и, даже, отметили это в обеденный перерыв застольем с выпивкой. Всё шло хорошо. Колхоз делал вид, что платил нам, а мы делали вид, что работаем. Предприятие получало свою галочку за общественно полезные мероприятия и выплачивало нам зарплату в полном объёме. Во время застолья я и узнал, что девушка, на которую я обратил внимание, давно замужем, её ребёнок уже ходит в школу, и старше она меня на много лет. Думаешь, меня это остановило? – обратился я к Прохору, – нет. Единственно, что меня как-то тормозило – это моя болезнь. Но и это понемногу забылось. Мы продолжали ездить «поднимать» сельское хозяйство.

Коллектив наш стал «споенным», потому, что каждый обед не обходилось без водки. Пили совсем немного, но этого хватало, чтобы все чувствовали себя нужными и не лишними. Девушке тоже «положила» на меня глаз, и вскоре мы уже сидели в автобусе рядом. Это все заметили. И странно, что происходило потом. В женском коллективе все знали про наши отношения, но не было, ни каких сплетен и трёпа, словно никто ничего не видел. В конце недели я был уже у неё в гостях. Не помню, по какому поводу было приглашение, но нужно было, что починить.

– Починил? – спросил сосед, усмехаясь.

– Наверное, – ответил я, не замечая иронии. Мы пили какие-то настойки и о чём-то болтали.

– Мужик ейный тоже болтал с вами?

– Нет, его не было.

– А, мужик, какой, видный хоть?

– Муж у неё здоровый был, спортсмен.

– И ты ни разу не попался?

– Нет, не довелось. Да, что спрашивать, видишь, с тобой сию, значит обошлось.

– Ну-ну, что дальше?

– На следующей неделе меня снова отправили в колхоз. И она тоже оказалась там. Тогда и началось. В очередной раз я оказался у неё дома. Мы пили настойки, потом целовались. И настал момент, когда она вдруг отшатнулась, слёзы потекли прямо ручьём. Сказала: «Я такая, да? Ну, пусть будет так». Я ничего не успел понять, как она взяла меня за руку и

повела в свою спальню. Она отдавала мне всё или забирала себе. Было во всём этом какая-то тайна, спрашивать не хотелось. Мне было хорошо. А потом она опять плакала. Обняв меня за шею, девушка беззвучно вздрагивала, потом, понемногу успокаиваясь, изредка всхлипывала. Дальше опять была любовь и нежность. Ушёл я далеко за полночь. Утром мы снова сидели в автобусе рядом. Она была поникшая и не поднимала глаз.

– Ты презираешь меня? – вдруг спросила она.

– За, что? – я был удивлён.

– За всё.

– Мне было очень хорошо, – я тогда так ничего и не понял.

– Да? – спросила она, посмотрела на меня и улыбнулась. Ей было хорошо от того, что я молодой и бестолковый, так и не понял тогда, что же произошло. Мне всё понятно стало гораздо позже.

– И, что такого может произойти между мужиком и бабой постели, о чём ты не догадался? – съязвил старик.

– Произошло, – сказал я, вспоминая произошедшее, – А хоть бы и догадался тогда, или она сказала, что бы изменилось? Ничего. Мне было хорошо. У меня была женщина, которая мне очень нравилась, которой и я был безразличен. А всё другое, все проблемы меня не касались. Она любила меня, и это было главное. Не замечала моих болячек, словно их и не было, и очень удивилась, увидев это почти через год наших отношений. Я спросил её, как это она умудрилась за всё время ничего не заметить, на что она ответила, что видела губы, глаза, мою густую шевелюру, а на другое и не смотрела.

А произошла банальная история. Её муж к тому времени был крупный чиновник в городе и любил хорошо повеселиться, соответственно выпить, а потом, ревнуя или просто по пьянке обзывал её шлюхой, проституткой и ещё, как покрепче. Вот тогда она и решилась отомстить ему со мной прямо на их брачном ложе.

Раз шлюха, значит получи «рога», чтобы в следующий раз обзывал, да не было обидно, – за дело.

И была любовь. Её любовь. Прохор, ты даже, не представляешь, на, что способна влюблённая женщина. Хищница. Тигрица. Все капканы обойдёт, все ловушки, пройдёт по самому краю, по лезвию ножа. Что за чудо была эта любовь. И, самое интересное, что она сама делала любовь чудом. Мне она очень нравилась, но я или по молодости, или по такому воспитанию, хороших слов ей, даже не говорил, но она, похоже, в этом и не нуждалась. Был я, и ей было достаточно, и больше она ничего не требовала. Но сама ворковала словно голубка, глаза озорные, аж, блестят, в другой раз с грустинкой, но всегда теплота в них. Смеялась во весь голос, как ребёнок, так заразительно, прямо какой-то восторг из неё так и льётся. Встанет с постели и нагишом идёт на кухню, что-то щебечет, смеётся, потом катит столик на колёсиках. Там чай для неё, кофе для меня и какие-то постряпушки, на которые

она была мастерица. Она абсолютно не стеснялась своей наготы, хотя такую фигурку и показать не грех, но я как-то спокойно не мог разгуливать в таком виде.

Время шло. Муж у неё часто бывал в командировках. Я работал посменно, когда приходилось работать в ночь, частенько умудрялся сходить к ней на несколько часов, благо, она жила недалеко. После дневных смен, иногда, оставался на ночь.

У них была машина, Она сама водила её, и когда её муж бывал дома, мы часто катались на машине по городу, и весело проводили время. Дело доходило до анекдота. Тогда не было телефонов, как сейчас, и я, надеясь, что она приедет, вечером выходил и садился вот здесь, где мы сейчас сидим, она подъезжала, я быстренько садился, и мы исчезали. Моя мать, догадываясь, что дело не совсем чистое, грозила все стёкла в машине разбить. В городе в то время, машин было немного, а такой модели всего две. Женщину за рулём тоже совсем редко встретишь. Катаясь по городу, у всех на виду, мы и не пытались скрывать наши отношения.

Я предложил ей выйти за меня замуж. Тогда мы гуляли вечером по тёмным улочкам. Было прохладно. Она что-то весело рассказывала, смеялась. Мне с ней было уютно, приятно, и я предложил ей стать моей женой.

– Тебе со мной плохо? – спросила она и погрузилась. Я стал убеждать её, что мне, наоборот, очень хорошо, и я хочу, чтобы она всегда была рядом. Она долго молчала. Уткнувшись мне в плечо, стояла и молчала. Потом посмотрела мне в глаза и сказала: – Я намного старше тебя. Если сейчас это не очень заметно, то лет через десять, я буду выглядеть совсем старенькой, и ты бросишь меня.

Сказав это, она рассмеялась звонко, как умела делать только она. Я пытался убедить, что это не так, что ничего не изменится, что-то ещё болтал. Она сначала прикрыла ладонью мне рот, а потом стала целовать. Так страстно, как в последний раз. Это продолжалось долго. Она целовала губы, щёки, глаза. Когда я пытался отозваться на её поцелуи, она уклонялась и продолжала целовать сама. Потом сказала, если я не выполню одно её условие, то мы больше никогда не встретимся. Она так решила. Она сказала своё условие. Мне показалось, что это очень смешно, чтобы не выполнить это условие, нужно постараться. Я тогда только рассмеялся.

На улице шёл снег, было прохладно, но нам вдвоём было тепло. Ещё несколько месяцев наша любовь согревала нас, мы были счастливы. Всё это длилось полтора года и закончилось в один миг, как и началось.

– Что, попался? – встрепнулся сосед.

– Нет, не попался.

– А, что тогда?

– Я не выполнил её условие.

– Что за условие? – спросил старик.

– Неважно. Важно, я не выполнил его. Важно, что я жалею об этом и не жалею. Это должно было случиться рано или поздно. И это закончилось красиво. И красота в недосказанности. Именно та грань, где ещё или уже нет боли, а есть лишь грусть и тёплые воспоминания. Она для меня была событием, и, как нельзя вовремя, именно тогда. Может самое главное, что она сделала – спасла меня. Что для меня было комплексом, она не видела, или не хотела замечать это. Она научила меня любить женщину, чувствовать женщину. Надеюсь, что и в её жизни я был какой-то отдушиной и спасением. Может это и не так, но хочется верить. Мне очень приятно, что эта женщина была в моей жизни. Она подарила мне столько много прекрасного.

Если бы не она, я, возможно и не узнал бы такое чувство, как любовь.

– Ну и, как я могу судить твою знакомую? – спросил я.

– Всё одно паскудство. Живёшь с мужиком – живи, не хочешь – разведись, сейчас это недолго.

– И всё разделить поровну, – поддакнул я.

– Да, всё поровну!

– Только детей обычно оставляют с матерью. Мужикам доверия нет.

Они даже своим детям алименты платить не хотят, прячутся, как партизаны. Сейчас, слышал, вылавливают и в армию по контракту берут, чтобы алименты платили.

– Всё равно блудить нечего, – упёрся Прохор.

– Согласен. Только женщина сама ни куда не пойдёт, если дома всё в порядке.

– Что им ещё надо? Шуры-муры какие-нибудь! Баб только распусти, греха не оберёшься. Вот эта, что из машины «фифа», мужика своего не хватает, надо ещё подыскать? Да и ты рассказывал тут шибко красиво. У неё мужик, как я понял, начальник, значит, в достатке жили, машина была, какого ж хрена ей ещё надо было? Подавай ей молодого кобеля, а ты тут, как тут, ну в самый момент. Ты холостой был, голова не работает, вся кровь из головы убежала в некоторое место, а она чем думала? Мужик бы застучал, открутил бы головы, а у них дитё было!

– Чего разошёлся? – усмехнулся я, – Гляди побежишь стучать мужику на его бабу.

– И надо бы!

– Ну, и дурак.

– Конечно, не моё дело и не пойду я никуда, а не по-людски это.

– Хрен ты старый. А когда баба одна детей растит при живом муже. И на работе пластается, что бы заработать побольше, и дома нужно сварить, постирать, убраться, ребятишек обиходить. А мужик каждый вечер приползает на «бровях». Деньги в последний раз приносил пятилетку назад, ещё другой раз и руки распускает. А, что б приласкал когда, так этого никогда и не было. Вот и воют наши женщины в подушку. Некоторые тянут лямку и света белого не видят, другие плюют на всё и берут своё на стороне. Что мужики ходят

«налево», мы даже не обсуждаем, а за женщин, аж, зубами скрипим. Я не судья ни тем, ни другим, ни каким. Конечно, и женщины есть всякие, что тут говорить, но это их жизнь. Только я тебе Прохор, скажу вот, что. Были у меня женщины и после этого, и ни с одной мы не расстались врагами, ни одной мне не стыдно в глаза посмотреть. А потому, что, если ты привёл женщину к себе в постель, то будь добр не только взять от неё, но и ей дать, даже если это между вами первый и последний раз.

– Ты мне уши не заговаривай, – Прохор и не думал уступать. – Я сказал блуд это и ничего больше. Любовь. Сю-Сю всякое, тьфу!

– Иди домой, разошёлся тут, – засмеялся я. – Иди лучше свою бабку обними и поцелуй.

– Ещё чего! А, ну, тебя! – совсем расстроенный сосед побрёл домой.

Я ещё долго сидел и вспоминал какие-то мелочи, подробности, улыбался, и на душе становилось тепло. Ничего не забылось. Не потому ли, что всё остальное было блёклым.

Март 2009 г.

5

Ромка после месячной отсидки на цепи, перестал выть, но не перестал караулить рыжего кота. Кот сообразил, что простор его заклятого «друга» ограничен, садился рядом и преданно смотрел на собаку. Щенок злился, рвался и пытался сцапать его.

Иногда это ему удавалось, когда кот неосторожно подбирался к собачьей еде. И тогда с кота летел его рыжий пух и фыркание. Рыжему в конце концов удавалось, вырваться, но изрядно помятому. Сегодня я отпустил щенка побегать по улице. Трава подросла, и для него это было откровение. Он что-то вынюхивал, делал небольшие пробежки и валялся на необычном для него мягком ковре. Ноги у щенка были ещё слабые, и он иногда запутывался в траве и кувыркался через голову, оглядывался, не понимая, что произошло, и снова знакомился с новыми запахами.

– Гляди-ка подрос, – присаживаясь рядом со мной, – смотри, как носом водит, что-то учуял. Охотничий.

– Охотничьих кровей, да только караулить ему двор и котов гонять.

– Чего так?

– Какой с меня охотник? Разве, что смогу сходить с ним на речку.

– Так, брат твой охотник.

– И он ходит сейчас нечасто, и то больше на глухарей, а на току собака ни к чему. Хотя по осени может и поедет куда. Да я и брал его на цепи сидеть, – оставалось только усмехнуться.

– Все мы, как твой кобель на цепи, хоть и не привязаны. – Прохор задумался, – я вон всю жизнь здесь прожил, только в армию забирали в Забайкалье, а так всё время здесь проживаю. Ты везде побывал, мир поглядел. Заграницу посмотрел. В прошлый раз ты

говорил, работать там тяжело, не, как у нас, а хорошего чего видел?

– А, что считать хорошим?

– Как люди живут? Дома какие, чем воздух пахнет, «черёмухи» какие?

– Ну-ну, осадил я, – черёмухи и берёзы там не растут, но много других растений и деревьев есть. Цветов много, но названий кроме пальмы я не знаю. Правда, пальмы видел и финиковые, и простые. Дома по телевизору видел? Они во всех странах одинаковые. Сирия, Ливан, Израиль.

– Что, и в Ливане был?

– Не был, по телевизору одно и тоже показывают, и находятся они рядом. И дома одинаковые, и базары восточные, и стиль жизни одинаковый, у мусульман – один, у евреев свой, у каждого своё. Знаешь, что хорошего видел?

– Что? – старик, аж, рот разинул.

– Много хороших дорог. И не только видел, но и ездил по ним на своей машине.

– Ну, дороги, – разочаровался сосед, – тоже, мне, диковинка.

– Ты, что, хорошие дороги видел?

– Видел.

– Где?

– Мимо города делают.

– Я тебя про хорошие дороги спрашивал, а не про ту, которая мимо города.

– И лучше бывают?

– Бывают.

– Надо же, а, что ещё видел?

– Наверное, много чего хорошего есть, только ни смотреть времени, ни средств не было. В начале, я с сыном часто ездил на экскурсии, посмотрел кое-что. У меня работа была – выходной среди недели, брали путёвки и ездили. Экскурсии на русском языке, возили на хороших автобусах. Страна небольшая, чуть большее нашего района

– Иди, ты! – удивился Прохор. – А зла в ней много.

– Какого зла?

– Ну по телевизору говорят «израильская военщина», всех арабов обидели. То да сё. Неправда, что ли?

– Не всему верь, что по телевизору показывают и говорят. Честно сказать причин там много, всяких, у каждого своя, правда, я тебе скажу, что я видел, что знаю, что я думаю. Мне, например, приходилось работать с арабами. Что сказать? Работают они хорошо, правда, так все работают, а вот арабы мне помогали, хотя их никто не просил. Я тогда вымотался, стояла жара необыкновенная, хотелось очень пить, а, известно, что в этом случае, чем больше пьёшь, тем больше слабеешь. Один араб налил мне крепкого горячего кофе и объяснил, что лучше пить горячее, а потом, молча, стал помогать мне. Ни один израильтянин никогда не

делал этого. Хорошие ребята? – спросишь.

– Нормальные, – сказал Прохор, – а, что в этом плохого?

– В этом ничего плохого, – ответил я, – эти арабы граждане страны, но мне приходилось работать и с палестинскими арабами из Сектора Газы.

– А те, звери, что ли?

– Нет, они работают очень даже хорошо, но зарплата у них на порядок ниже, чем были у нас. И жили они прямо на стройке, как у нас гасторбайтеры. У них проблема пересекать пропускные пункты.

– Чего же евреи так к ним относятся плохо?

– Есть за, что. Зашёл один араб на дискотеку, взорвал себя и ещё более пятидесяти человек, и ещё кучу раненых было. Теперь в «Дельфинарии» нет дискотеки. Там стоит большой камень, на котором высечены имена всех погибших. И всем им не было и двадцати. На «Пейсах» (еврейская пасха) в городке Нетания взорвали ресторан, где были приглашены пенсионеры. В Тель-Авиве неоднократно взрывали старую автобусную станцию. Я сам видел разорванный автобус четвёртого маршрута по улице Аленби в Тель-Авиве. Но самое страшное, что один смертник зашёл в детское кафе, а там сидели только бабушка с годовалой внучкой, он подсел рядом и взорвал всех. И моей семье едва не коснулось несчастье. Моя дочь со своим другом поздно вечером пошли на море. Ваню, так звали парня, забирали в армию. Когда они возвращались назад, а шли они даже не по тротуару, а за ним по траве. Машина на большой скорости направила прямо на них через полтораметровый тротуар. Ваня успел оттолкнуть мою дочь, а его эта машина сбила. Отъехав немного, она остановилась, из неё вышли люди. Хорошо, что проезжала другая машина и они уехали к себе на «территории», как потом сказали в полиции и искать их туда никто не собирался ехать. Это уже военная операция, а во всём мире будут кричать, что это происки «израильской военщины». А Ване ампутировали ногу выше колена. Дочь отделалась синяками и сильным испугом. Это было около городка Нешер, пригород Хайфы. И, что удивительного в том, что вскорости, моя дочь избива помощника своего начальника-араба, который, думая, что она не понимает иврит, нелестно отозвался о ней. Хорошо, что сам начальник был свидетелем и всё замял, я-то дело дошло бы до полиции. Так, что говорить однозначно кто прав, кто виноват нельзя. Не всё так просто. У каждого своя правда.

– А ты, как думаешь, кто прав? – спросил сосед.

– Я думаю – хорошо им там живётся. Можно с набедренной повязкой целый год носиться. Земли мало, а народу много, вот и воюют. И ещё большое дело делает религия. Каждый считает себя самым правильным, и не терпит другого. Ещё причина такая, где война, там много денег крутится и можно неплохо пожить. И самая главная причина, они в большинстве своём не хотят жить в мире. Возьми у нас на севере живут разные народы, они не воюют, потому, что и так жить тяжело, если сосед не поможет так, хоть

помирай. А ты знаешь, что арабы и евреи по библии двоюродные братья? – спросил я старика.

– А они знают это?

– Да.

– И воюют?

– Никогда не остановятся.

– Почему?

– Политикам выгодно.

– Ну и дела.

– Знаешь, что ещё хорошего? Землю свою они берегут, обихаживают. Всё у них красиво, ухожено, кругом трава, цветочки, аж противно. Правда, труда вложено очень много. Всё, что растёт, цветёт, за всем есть уход, подведён полив. Дождей там по полгода не бывает с весны до осени. Поля по линеечке, кругом теплицы.

– Теплицы зачем, если там жарко?

– От солнца, что бы, не сгорело всё. Бананы интересно смотреть, каждая гроздь в своём мешочке.

– В каком мешочке?

– В синем или жёлтом. Одевают, толи от насекомых, толи от грызунов.

– А цены, какие?

– По сезону. Если сезон, то дешевле, не сезон дороже, постоянных цен нет. А к концу дня цены падают, что потеряло товарный вид, бывает и бесплатно раздают.

– Смотри-ка ты? Бесплатно, – удивился сосед, – в драку, небось?

– Нет, берут в основном те, у кого проблемы с деньгами. Но всё равно теплей и лучше чем здесь мест не найти.

– Там тоже не холодно.

– Нет, там жарко, а здесь хорошо. Только пока не испытаешь на своей шкуре, не сможешь сравнивать, а лучше и не надо сравнивать. Так, что живёшь здесь и живи.

– Так я, вроде, и не собираюсь, сказал сосед, – ладно, пойду я домой.

– Ромка! – позвал я собаку, – пошли домой. Щенок сделал вид, что ничего не понимает, но едва я открыл калитку, как он поплёлся во двор.

Отцвела черёмуха, закончилась весна. Прекратились ветра и зацвели ранетки. Жизнь берёт своё.

Июнь 2009 г.

После жаркого дня к вечеру подул ветерок. Сначала он игрался с листьями на деревьях, с

травой, трепал жёлтые рожицы одуванчиков, а потом стал раскачивать черёмухи и посвистывать в проводах. По дороге в пыли носились обрывки бумаги и другой мусор. Натешившись, ветер стал вытаскивать из-за леса дождевые тучи. Когда небо совсем потемнело, ветер вдруг исчез. Возникло томительное напряжение ожидания дождя. Всё затаилось, притихло. Но тучи, словно, прилипли на одном месте и не двигались. Свежесть появилась, а дождя всё ещё не было. Резкие перемены в природе влияют на моё самочувствие бесцеремонно. Давление зашкаливало. Я выпил свои таблетки – вечерний допинг и вышел подышать свежим воздухом. Сосед Прохор, словно поджидая меня, появился, будто ниоткуда.

– Здорово, сосед, – сказал он, присаживаясь.

– Привет. Ты что, за углом стоял?

– Нет, услышал, как калитка брякнула, вот, и подумал, что ты идёшь.

– Ну-ну.

– Чего это ты, вроде, как не в себе?

– Давление скачет, голова, словно, бубен.

– Ты давление клюквой не пробовал сбивать?

– Нету клюквы. Сейчас уже не езжу. Ноги не носят. Только глаза не болят, и то один не видит.

– Это, как?

– Глазами, кажется, всё сделал бы, а, как возьмёшься, то задохнёшься, то спина крючит, то коленки не гнутся.

– А ездил когда-нибудь за клюквой?

– Конечно. В последний раз восемь лет назад.

– Далеко бывал?

– В нашей деревне есть хорошее болото. И места родные. Приезжали туда, как на свидание. В деревне оставляли машину, а до болота пару километров пешком.

– Недалеко.

– Да. Но заходить и выходить не очень удобно. Тропа разбитая, провалиться можно, а после дождей и вовсе. Утонуть не утонешь, а сапоги можно оставить. Честно сказать, болото интересное. Посередине есть «окна», это чистая вода. Со временем они зарастают травой, но по такому настилу ходить опасно, если провалишься, то выбраться очень трудно, твёрдых берегов нет, ухватиться не за что. Возможность утонуть – приличная.

– Набирали ягод?

– Если ягода была, то набирали, но ведь клюква рождается не каждый год. У нас был целый ритуал. Началось это всё в девяносто пятом году, – мне вспомнилась наша «клюквенная» эпопея. – Случилось она через год после возвращения из первого моего странствия. После операции на позвоночнике у меня сильно болели спина и ноги. Копать картошку я мог

только, ползая на коленках. Для этого моя мать сшила мне штаны из тонкого брезента. Я называл их «ползунки» и одевал их два раза в год. Первый раз это копал в них картошку, а второй-это ездил в них за клюквой, чтобы постирать. В тот год мы закончили копать картошку сразу после обеда, вечером поехали за ягодами. У моего брата был мотоцикл «Урал» с коляской. Вот на нём мы и отправились. Дорога в те времена была неплохой. Сорок километров асфальта тогда не были разбиты, а тридцать километров «гравийки» и сейчас не хуже, чем тогда. Часа через полтора были в деревне. Ночевали, обычно, у родственников. Они всегда были рады гостям, так как последние появлялись нечасто. Всё, что осталось от деревни, это четыре дома. В одном жили пришлые люди, а в остальных местные. И, каждый раз, приезжая туда, мы обычно виделись со всеми жителями, которые были рады услышать что-нибудь новое, а нас интересовало, есть ли ягода. Вечером, за ужином, мы распили с хозяином привезённую бутылку, хозяйка, хоть и ругалась на своего мужа, за его выпивки, ради гостей, и сама ещё достала из своих тайников бутылку самогона. В половине десятого, мы вышли из дома. Рано утром ещё сильная роса, пока дойдёшь, весь вымокнешь, хотя мокрым всё равно будешь, и слишком рано на болоте делать нечего, ягода ещё прячется. Мы с братом шли по деревне, или, вернее, что от неё осталось, а осталось немного. Несколько никому не нужных сараев и хлевов. Все дома были перевезены в другие посёлки или в город хозяевами, или проданы и так же увезены. Некоторые просто украдены. Единственная улица в этом конце деревни заросла травой и стала чистой. Мы свернули в лес. Дорога, по которой шли, была настолько истоптана скотом, что на ней до сих пор не росла трава, хотя коров давно уже не гоняли. Спустились к речушке, которая в насмешку называлась «Дунаем», на самом деле она называлась так же, как и деревня. «Дунай» мы перешли вброд. Речка была небольшая, и в ней водилась мелкая рыбёшка, но весной и осенью ловился и хариус. Дальше тропинка проходила по тёмному и немного жутковатому ельнику. Было сыро, сумрачно и тихо, и, казалось, что здесь рядом прячутся чудовища. Брат шёл с ружьём и манком посвистывал рябчиков. Где-то в темноте леса ему откликнулся рябец. Брат, продолжая подманивать, скрылся в зарослях. Я медленно брёл по тропе, зная, что чувство страха откуда-то из детских книжек, а на самом деле медведи и волки если и бывают здесь, то нечасто и ни в это время года. Сейчас осень. Все сытые и ленивые. Грянул выстрел. Я продолжал свой путь, раздумывая о том, как быстро пролетело время, как всё изменилось. И больше никогда не возродится наша деревня. Вскоре меня догнал брат с добытым рябчиком.

Немного не доходя до места, он добыл ещё одного. Около болота лес редел, и становилось светлее. Мы ещё какое-то время шли по берегу, а потом тропа свернула влево, и началось оно, его величество болото. Оно не очень большое по нашим сибирским меркам. Заход тяжеловат, много воды, ямы, кочки, а в середине можно свободно перемещаться в любом направлении. Только надо привыкнуть, что при каждом шаге, почва колышется,

словно идёшь по воде. И действительно, под слоем травы, дёрна, находится вода, но настил настолько прочный, что на нём растут берёзы. По нему смело ходят не только люди, но и лоси, олени, которые водятся здесь. Есть и «окна» где чистая вода или недавно, затянулась травой. Это опасные места, но их хорошо видно. Трава там была низкая и светлая, и ноги проваливались сильнее. Заходов и выходов из болота немного. Их нужно знать, иначе можно блудить по кругу и не выйти, направление определить не трудно, но пройти невозможно, натываясь на высокие кочки, или топь. И были случаи, что люди подолгу бродили, не находя выхода. Ягода в разных частях болота была разная. В одних местах мелкая, а в других крупная. И росла она и на чистых зелёно-фиолетовых мхах, и на кочках, заросших жёлто-бурой высокой густой травой. В этот год ягоды было много везде, и всякой. Мы решили далеко не ходить, а брать прямо на краю болота. Сначала нашли сухое место рядом с большой, поваленной ветром берёзой, достали бутылку водки, припасённую для этого случая, закуску и расположились. Первый тост за «духа болота». Потом за удачу, ещё за что-то, а потом водка кончилась. Мы собирали клюкву прямо рядом с нашим табором. В тот день получилось очень хорошо. Я впервые опробовал специальный совок, для сбора клюквы, результат был неплохой.

Вскоре набрали достаточно ягод. Брат отправился готовить обед, а я ещё решил поработать, пока всё будет готово. На обед у нас были рябчики, запечённые на углях. В таком «ресторане» у костра, это было что-то необыкновенное. А потом чай с листьями смородины, малины, с ягодами клюквы и шиповника. Хорошая погода, отменный чай, прекрасное настроение. Блаженство. Ягод набрали много, день удался. И это послужило началом нашего ритуала. Потом, много лет подряд, мы ездили на болото, или, как я говорил «постирать ползунки», и каждый раз ритуал повторялся, несмотря, была в тот год ягода или нет. Мы всегда приходили к сломанной берёзе, располагались и выпивали за «духа болота», а потом решали куда идти, где искать клюкву. Бывало, набирали ягод, бывало, и не набирали, но это уже было не так важно, главное соблюсти ритуал. Это действие стало частью жизни. Приходила осень, и тянуло сюда в сырость, в комариный звон, в царство гнуса. Правда, когда приезжали в конце сентября, тогда комаров уже не было. В последний наш приезд мы нарушили нашу традицию. В тот раз мы взяли с собой нашего отца. Как-то так вышло, но мы сразу пошли на середину болота. Бродили полдня и впустую. Набрали ягод по стакану. Потом решили, что не стоит «бить ноги», нашли подходящее место, развели костёр, пожарили на прутиках сало и под такую закуску налили водки. Выпили, и, как полагается за «духа болота» и потом по порядку. Попили чаю, покурили и собрались домой. Но случилось чудо. Хочешь, верь, а хочешь не верь, но брат мой свидетель. Времени до сумерек оставалось немного, мы направились к выходу. Едва отошли полсотни метров, как наткнулись на ягоду. Её было море, за два часа мы с братом набрали по двадцать пять литров, а отец двадцать. Выходили уже в темноте. В деревне, узнав о наших трофеях,

сказали, что в тот год никто ягод не набирал. Вот и ритуал. Повезло нам тогда или помог кто. А в самую первую осень, я ещё пару раз приезжал за клюквой, и каждый раз удачно. Угощал друзей, родственников, и ещё осталось на следующий год. Хорошее было время.

– Да, – согласился Прохор, – Были помоложе, и здоровья было побольше.

– В прошлом году мой брат на машине заехал прямо до болота, но меня не взяли, да я и сам не поехал, слишком худо было. Брат говорил, что ягода была, но мошкара не давала брать, пришлось уехать.

– Чего щенка твоего не видать, девался куда?

– Нет, на цепи сидит, дождь скоро пойдёт. Видишь, уже капает.

– Пойду я, – старик поднялся, а то потом не успею, вымокну.

– Давай, смотри, чтоб не растаял, – усмехнулся я.

– Растаять-то, ладно, а вот заболеть можно. Мне это ни к чему.

Дождь начал медленно постукивать по листьям, по крыше, постепенно усиливаясь. И уже вскоре мерный, постоянный шум сливался с хлюпаньем водяных струй из водостоков. А ночью резвилась гроза.

Июнь 2009 г.

7

В последнее время возле дома приходилось выкашивать траву. Раньше, когда по улицам гоняли коров, трава до таких размеров не успевала вырастать. Сейчас, уже в первой половине июня, зелень бушевала вовсю. За лето приходилось косить пару раз, чтобы осенью, когда трава начнёт сохнуть, её было немного. Всё это, чтобы не случилось пожара. Одна случайно брошенная зажжённая спичка, может уничтожить пол улицы. С утра я нашёл старую косу, немного подправил её и выкосил всё около дома. Днём свежескошенная трава источала дурман, и на жаре находиться рядом было тяжело. Только вечером, когда потянул лёгкий ветерок, стало немного прохладней, я вышел на улицу отдохнуть от домашних дел. Вскоре появился и Прохор. Ему тоже хотелось поговорить и отдохнуть.

– Хоть корову заводи, – старик кивнул на скошенное.

– Коровы, не корову, коз или кроликов можно прокормить. Вот скосил от греха подальше. Запалит кто, так можно сгореть от некости.

– А раньше не было так, – сказал сосед.

– Не было.

– У вас покос далеко был, когда корову держали?

– Километров пятнадцать от города.

– Недалеко. У отца был трактор и телега.

– Трактор брата был. Потом он его продал и купил японский грузовик.

– Я считал, что трактор отцовский был. Он и трактористом работал.

– Работал. У брата тоже права есть.

– А чего он продал? Весной можно на пахоте подзаработать неплохо, дрова привезти, и ещё какие дела поделать.

– Ушло время. Сейчас больше хлопот, чем денег. Горючее дорогое, и кто сейчас картошку растит? И с дровами тоже проблема. Билет на вырубку выпишешь, так тебе дадут такое место, что и на тракторе не доберёшься. А без документов не поедешь, попадешься, всё отберут. Проще купить.

– Да, не сажат сейчас картошку, как раньше, согласился сосед. – А ты умел на тракторе?

– Я? Я пацаном своё отпахал, откосил и много ещё чего переделал.

– Каким пацаном? Трактор у вас не так давно появился.

– Сам же говоришь, батя трактористом был, вот я и успел везде. Он в лесхозе работал, так тот трактор был, как свой. Вот на нём я много поработал. И сено косил, и землю пахал. Восьмой класс заканчивал, из-за пахоты чуть было экзамен не завалил по русскому языку. Отец приехал пьяный после работы и лёг спать. Трактор около дома стоит. Люди идут, просят вспахать – время уходит. Батя сказал, чтобы я ехал и пахал. Вот я и поехал. В два часа ночи мать моя выгнала с поля. Экзамены начинались в восемь. Сочинение я написал на тройку. Учился я неплохо, и учительница сказала мне, что если я сдам устный на пятёрку, то общую четвёрку она мне поставит.

– Ну?

– Что, ну? Сдал на пятёрку, повезло с билетом. А в тот вечер я заработал денег, сколько мать за месяц.

– Куда дел?

– Матери и отдал всё. Батя наш хоть и работал, но зарплату частенько пропивал, а нас с братом мать тащила.

– Вот видишь, трактор пользу приносил.

– Приносил. Особенно когда корову держали. Корма привезти, картошку с поля, сено, дрова. Никого не нужно просить.

– Но было дело, что и без благодарностей приходилось пахать.

– Не заплатили?

– В тот раз, – я стал вспоминать прошлое, – рано утром отец заехал за мной.

– Поедешь пахать? – спросил он. Я согласился без колебаний. Одежда по-быстрому, и мы поехали. Причём, за руль я сел прямо от дома. Приехали на подсобное хозяйство, это километров пять-шесть от города. Прибыли, а там ещё один трактор. За рулём мой одноклассник – Сашка. Его отец работал вместе с моим. Только у моего отца трактор был новый, а у его отца – старый. На новом работать, конечно, веселее. Мужики достали бутылку водки, прихваченную с собой и стали опохмеляться. Нам с Сашкой тоже налили понемногу.

– Давай нарежай клин и пусть пацаны пашут, – сказал Сашкин отец моему отцу. Клин нужно нарезать ровно, чтобы потом не вилять по полю, когда пахешь.

– Иди, нарежай, – сказал мне отец.

– Что, там пацан нарежет? – усмехнулся коллега отца.

– Спорим, отрежет, как по линейке.

– На, что?

– На литр водки!

Они разбили спор, и я полез в кабину. Я знал, как надо сделать, но знать и сделать – это разные вещи. Запустив двигатель, я уселся по удобней, чтобы можно было не шевелиться, а отрезать клин требуется метров двести. Проехать ровно, по одной линии.

Прислонившись к спинке кресла, я стал прицеливаться. Посреди капота трактора, было ребро жёсткости, кончавшееся на конце выпуклостью. Вот этим я и нацелился на большую берёзу на другой стороне поля. Включил нужную передачу и тронулся, одновременно опуская плуг. Трактор, слегка, покачивало, но шёл он уверенно. Я даже, и не пытался оглядываться назад, не отрывая взгляд от берёзы. Она медленно приближалась, вырастая в размерах. Наконец, поле кончилось. Подняв плуг, я развернулся и увидел, что получилось ровно. Назад ехать было проще, полоса отрезана. Когда я подъехал, отец мой торжествовал, его напарник был обескуражен.

– Пойдём обмывать это дело, – веселился отец.

– Пойдём, – его коллеге ничего не оставалось, как согласиться: спор есть спор. Они в любом случае ушли бы, иначе, зачем нужно было нас брать, но так было веселее, и была причина выпить. Напились бы и без причины, но так лучше, хоть какое-то оправдание.

– Мы вечером придём, чтоб поле было вспахано, – сказал мой батя назидательно. Его слова я пропустил мимо ушей. Они удалились, а мы с Сашкой сели в тракторы, и пахота началась. Работа это монотонная, требующая большого терпения, особенно когда всё идёт хорошо. Когда есть проблемы, приходится устранять неполадки, и время летит быстрее. А так, под ровный звук мотора можно и задремать. Работа подавалась неплохо, и вспахано было уже больше половины. Вот здесь и подкараулила нас неудача. Первым об неё споткнулся я. Но у меня было побольше опыта, чем у Сашки, и я справился с ней, не задумываясь, тем более трактор у меня был новей, и все колёса были ведущими. И реакция у меня оказалась получше. Участок поля, до которого мы добрались, был в низине, и оказался очень сырой. Когда я почувствовал, что трактор начинает пробуксовывать и проваливаться, успел остановиться и поднять плуг. Проехав это место, я продолжил пахать. Сашка ехал впереди меня и на этот раз, видимо, не зацепил сырость. Предупредить его у меня не было возможности. И, честно сказать, и не сообразил. Я увидел, как он попался в ловушку. Остановиться сразу не успел, а когда задние колёса пробуксовали, трактор повис на плуге, и переднем мосту. Наблюдая за ним, я вновь почувствовал, что проваливаюсь. Но

опять сумел выбраться, и не опуская плуга, подъехал к Сашке. Мы вылезли и стали соображать, как выбраться.

– Давай, подними плуг и потихоньку пробуй, может получится, только не буксуй, а то будет ещё хуже.

Сашка немного приподнял плуг, немного, но всё ж. И вместо того, чтобы медленно тронуться – рванул. Трактор утонул ещё больше и наклонился на левый бок. И было понятно, что нужно вытаскивать. Мы решили отцепить плуг, он уже служил якорем. Пока откручивали гайки, трактор чихнул и заглох. Сашка попытался несколько раз запустить двигатель, но ничего не получилось. Оказалось, что кончилась солярка. Я пошёл искать какой-нибудь трос. Но кроме толстой стальной проволоки ничего не нашёл. Сначала мы привязали плуг, и я своим трактором оттащил его в сторону. Это оказалось несложно. Затем стали цеплять трактор. Когда я медленно тянул, мой трактор проваливался, а рывком не выдерживала проволока. Вскоре перервали всю. Нашли ещё и тоже порвали. Цеплять было нечем, и мы с Сашкой сели, раздумывая, что ещё предпринять. Один трактор без топлива, в другом тоже осталось немного, после дня работы. Я заглушил его, чтобы не тарахтел. В наступившей тишине мы просидели недолго. Наши подвыпившие отцы, громко матерясь, через поле тащились к нам. Сашкин матерился громче, это его сын засадил технику, но мой тоже разорялся. Честно говоря, нам их ругань была по фиг, в то время я слушал его, а делал по-своему. Было ясно, что если бы пахали они, закончилось бы всё также, а, может, и хуже. Они ругались на нас, а мы сидели на плуге и смотрели в сторону. Когда они послали нас искать ещё проволоку, мы даже не пошевелились. В конце концов, наши родители сели в трактор и поехали за помощью, а нам пришлось пешком добираться домой. Шли больше часа. Я проклинал и пахоту, и трактор, и неблагодарность. И клялся себе, что больше никогда не сяду за руль.

– И, что дальше было? – спросил Прохор.

– Приехал другой трактор, привезли горючее, длинный толстый трос, быстро выдернули, и всё кончилось хорошо.

– А, ты садился ещё за руль?

– Конечно, садился. И не один раз, – рассмеялся я, – это же, как маленькому ребёнку игрушка. А я тогда и был ребёнок, только уже большеенький, и «игрушка» была немаленькая. И относились ко мне по-взрослому, а это тогда было очень важно.

Уже после, на другой год, мы косили сено. Я не вылезал из трактора целыми днями, а за обедом или ужином мне и водки наливали вровень со взрослыми. Говорили: раз наравне с мужиками работает, то и выпить наравне не грех. После школы я пошёл работать на железную дорогу, но всё равно, иногда, приходилось садиться за руль.

И даже после армии.

– Когда первый раз сел за руль?

– Лет в шесть на коленях у дяди крутил баранку. А сам поехал, лет восемь – девять было. Осваивал разные трактора, на каких отец работал, я тоже ездил. И на колёсных, и на гусеничных. На больших и маленьких, с приключениями и без. Однажды на гусеничном чуть не раздавил телегу, а на колёсном огромную свинью, отказали тормоза.

– Ишь, ты. Ну, пожалуй, пойду, – старик засобирався домой. Я ещё немного посидел, разглядывая единственное место, где не росла трава. Там, более десяти лет, стоял трактор. С него на землю капало масло, солярка. Плешь хоть и медленно, но поддавалась траве. Жизнь – штука сильная.

Июль 2009 г.

8

Осень была тёплой. Солнечные приветливые дни стояли до середины октября. Но всё закончилось неожиданно. Налетели дождевые тучи, и давай хозяйничать. Всё вокруг почернело, съёжилось в ожидании худшего. И дождались. Снег летел мокрый липкий и цеплялся за всё, что могло удержат его тяжесть. Он не унимался уже четвёртые сутки. Дороги развезло, машины двигались едва-едва, а людям было ещё хуже. И когда, закончится это снегопредставление, никто не знал.

Я сидел у окна и тупо смотрел на снегопад. Нет, он не завораживал, просто уносил куда-то мысли. Летние посиделки у дома закончились, и оставалось только смотреть в окно, да ещё телевизор по вечерам. Зимой забот немного. Почистить снег, принести дров да протопить печку. Вот и оставалось, что смотреть на действительность из окна. Глядя на непогоду, вспомнился такой же снегопад, в это же время, только более тридцати лет назад.

В ту осень меня забирали в армию. Отработав год, я получил отпуск, как раз перед самым призывом. Целый месяц у меня был свободным. Я болтался по городу, ходил в кино. Чем-то нужно было заняться. Однажды, в городе я встретил своего дядю Ивана. Дядя он мне был по родству, а по сути, как старший брат. Он был старше меня на семь лет. Мне восемнадцать, ему двадцать пять. Я по жизни – реалист, он – авантюрист, но крепкий и надёжный.

– Чего шляешься? – спросил он.

– А, что делать? В отпуске, вот ходил в кино.

– Поедем на охоту? – предложил он.

– Когда? – спросил я, хотя охотник я никакой, не то, что Иван. Было дело, и он приложил руку, чтобы отбить у меня желание охотиться, но я, думаю, что это просто не моё дело. У меня другие интересы. Я любил читать и читал много с самого детства. Доходило до того, что вместо школы, я уходил в библиотеку, там, в читальном зале проводил школьное время. Это продолжалось несколько дней, пока моя учительница не позвонила матери и не

спросила, почему я не хожу в школу. В библиотеку я перестал ходить, но читать не бросил. Сейчас у меня тоже особой страсти охотиться не было, но побывать на природе, пострелять по мишеням, мне было по душе.

– Поедем сегодня на пригородном поезде.

– Поехали, – согласился я. Мы зашли в охотничий магазин, купили патронов, договорились встретиться на остановке и разошлись по своим делам.

Вечером, тепло одетый, с рюкзаком, я пришёл на остановку пригородного поезда. Иван был уже там. В ожидании поезда мы сидели и курили, разговаривали на разные темы. Снег пошёл сразу и крупными хлопьями. Он падал на перрон и таял, оставаясь только на траве. Было не холодно, и настроение не испортилось, тем более Иван заметил, что по снегу лучше охотиться, остаётся много следов. Вскоре пришёл поезд, и мы, довольные, быстро погрузились. Дорога занимала чуть более часа, и вела нас в родную деревню. Мы должны были выйти на нужной станции, переправиться через реку, а потом пять километров пешком через лес до деревни. Я беспокоился только за переправу.

– А, как переправимся? – спросил я.

– На берегу отомкнём любую лодку и переплавимся.

– А если их не будет? – засомневался я.

– Куда они делись? – он говорил так, словно для нас специально оставили одну.

Вагон был почти полный, хотя было уже десять часов вечера. Пока мы ехали до нашей станции, вагон опустел почти полностью. Когда прибыли на станцию, было уже около одиннадцати часов вечера. Поезд, постукивая колёсами, удалился, и стало тихо до звона в ушах. На здании вокзала стоял мощный прожектор и светил на перрон. Его луч пересекал реку, которая находилась метрах в двадцати от путей, и упирался в крутой противоположный берег. Снежинки, попадая в луч света, на мгновение останавливались, а потом, словно, опомнившись, резко падали вниз, освобождая место для других. Всё вокруг было белым, только чёрная полоса реки манила к себе и пугала. Несколько минут мы простояли молча, затем Иван вытащил ружьё, собрал его и сказал:

– Пойдём лодку искать.

– Если не найдём, назад поедem? – спросил я, зная, что поезд, на котором мы приехали, вернётся через час.

– Переплывём, в первый раз, что ли? – сказал Иван и направился к реке. Мы прошли по берегу почти до самого посёлка, стоявшего в километре от станции. Но лодок не было. Хозяева убрали их на зиму поближе к своим домам. На поезд ещё можно было успеть, но Иван увидел трос, перетянутый через реку.

– Давай по тросу переберёмся на другой берег, – предложил он, там есть блочёк с тросом, к нему привяжем, что-нибудь и переедем.

– Давай, – согласился я, боясь показаться трусом. Хотя это была чистой воды авантюра.

Одеты мы были в телогрейки, в сапоги, почти по-зимнему. Ещё у нас было два рюкзака и ружьё. Случись, какая оплошность и мы окажемся в воде – выбраться будет невозможно. Сам трос через реку толстый и выдержит трактор вместе с нами, а вот тросик, закреплённый к блоку вызывал сомнения. Скорее не толщина его, а, как он был закреплён к блоку. Основной трос с той стороны реки закреплён к стволу толстой сосны, а с этой сделан упор из трёх брёвен, к которому он прикреплён на высоте около трёх метров. Наверху находилась небольшая площадка, где началась подготовка к нашей авантюре. Сложив там рюкзаки, мы отправились на поиски доски и проволоки, чтобы её закрепить. Пока занимались поисками, поезд, на котором можно было вернуться, ушёл, а мы остались. И выбора не было. И шёл снег. Огромными густыми хлопьями, которые на мгновение искрились в свете прожектора. Тишина. И снег.

– Нашёл, что-нибудь? – спросил Иван.

– Нашёл, – я протянул обрезок доски с метр длинной.

– Пойдёт. Я сейчас закреплю и будем отправляться, – он склонился над блоком и стал колдовать. Привязав доску, попрыгав на ней, сказал:

– Выдержит. Сейчас ты, одень рюкзаки, один сзади, другой спереди, ружьё повесишь на шею. Сядешь на доску, а я тебе на колени, ты будешь меня держать, а я буду тянуть нас по тросу. До середины мы съедем быстро, а там я вытащу, как-нибудь. Понял?

– Понял, – мне было понятно, что с двумя рюкзаками и с ружьём на шее, в случае чего, у меня не было ни каких шансов, – но шаг сделан, и возвращаться уже поздно. Поезд ушёл, а ночевать под снегом и без костра не совсем уютно. Я снарядился и сел на доску. Было, даже, удобно. Иван залез ко мне на колени, примерился к тросу, сказал, что нормально, и снова спустился на землю. Он походил вокруг, и что-то найдя, снова поднялся на площадку.

– Что ты потерял? – поинтересовался я.

– Проволоку искал, чтобы притормозить, а то, если блочёк слетит с троса, будем висеть над рекой, – он ещё поколдовал с проволокой, занял своё место и спросил:

– Готов?

– Как пионер, – ответил я, стараясь выглядеть счастливым.

– Поехали, он оттолкнулся. Был рывок, противно завизжал блок по тросу, мы заскользили вниз. Я крепко обхватил Ивана, держа его и держась сам, потому, что больше держаться было не за что. Наш полёт длился мгновение. Остановились мы также неожиданно, как и полетели. Опять стояла тишина, сыпал снег, и что-то постукивало по доске, на которой я сидел. Присмотревшись, понял, что дело неважное. Доска, служившая мне сиденьем, была привязана не посередине, и один край находился ниже. И по этому краю постукивали небольшие льдинки, плывшие по реке. С берега их нельзя было рассмотреть. Река была покрыта шугой. Какое-то время мы сидели молча. У меня страха не было, даже скорее был какое-то непонятный восторг. Ничего не было ясно, но уже

присутствовала уверенность, что всё окончится нормально.

– Ну, держи меня, поедem к берегу, – Иван взялся руками за трос, и мы двинулись. Сколько это длилось, я не знал, просто висел и в уме отсчитывал, какой у нас вес со всем нашим скарбом. Получалось, не меньше двухсот килограммов. До берега было недалеко, но мы всё ещё висели над водой. Иван остановился и сказал, что у него, от троса, ладони огнём горят. И тут я вспомнил, что у меня в кармане есть перчатки. Было не холодно, они мне не понадобились, и я забыл про них. А тут хоть поздновато, ногодились. Я одной рукой держал Ивана, а другой достал перчатки и передал ему. А вот, как он их одевал, для меня было загадкой. Нужно было держать нас и натягивать их на руки. Как бы то ни было, мы поехали дальше. И, вот оказались над берегом, на высоте полутора метров. Теперь была проблема, как нам спуститься на землю. Здесь было самое низкое место над землёй, дальше трос шёл ещё выше, к середине сосны. Я предложил:

– Давай, ты подтянись немного, чтоб я мог освободиться и попробовать упасть на спину. Высота небольшая, и у меня на спине рюкзак. Мы так и сделали. Я удачно упал на спину, подхватил Ивана, и он, отпустив трос, прыгнул на снег. Блок, избавившись от нас, медленно покотился назад, на середину реки. Не страшно, когда река замёрзнет, до него можно будет добраться, а сейчас, наверное, таких авантюристов больше не найдётся. Он, похоже, и служил страховкой, когда здесь зимой измеряли толщину льда, или уровень воды. Или для таких, безбашенных, как мы.

Мы лежали на снегу и курили, а сверху всё сыпались и сыпались снежные узоры. И было тихо-тихо. Иван снял перчатки и стал рассматривать ладони. Несколько водяных мозолей красовались на руке, а в одном месте была сорвана кожа.

– Ничего, заживёт, – сказал он, – Не привыкать.

Мы взяли рюкзаки и медленно пошли домой. С километр тропинка тянулась по берегу реки. Чёрная полоса воды, молча, поглощала падающий снег. Станции уже не было видно, и только искрящиеся в свете прожектора светлое пятно, виднелось издалека.

Когда вошли в лес, стало совсем неуютно. Тишина. Темно. Только снежинки падали на лицо, таяли и стекали на одежду.

Около часа ночи мы добрались до дома. Испуганная бабушка, открывая нам, крестилась, расспрашивая, не случилось ли чего. Поинтересовалась, на чём мы приехали. Мы сказали, что приехали на поезде, что переплавил нас знакомый Ивана, проживающий в посёлке.

– И не испугались, – подивилась она.

– А чего бояться на лодке, – буркнул Иван.

На другой день мы сходили на охоту, ничего не добыли, но не расстроились. Побродили по лесу, пожарили сало на костре, постреляли по мишеням – благодать.

Уезжали домой на автобусе. Дорога немного длиннее, зато через реку по мосту. Через полмесяца, я ушёл служить в армию.

Снег ещё летел, кружился. Темнело и вскоре ничего не стало видно. Я ещё посидел у окна, вглядываясь в темноту, а потом пошёл затапливать печь. Холодало.

Октябрь 2009 г.

9

Я сидел около печки и слушал, как сплетничают в топке дрова.

На улице было уже темно, но я не включал свет. Сквозь отверстия в дверце подмигивало пламя, и этого хватало. Что делать одному в доме, когда тихо, когда тепло от печки, когда дел никаких, только размышлять о чём-нибудь. Вспомнилась одна далёкая осень из прошлого. Думая об этом, осознаёшь, как быстротечна жизнь.

Это была обычная поездка по орехи. Ничего особенного. Тогда, двадцать лет назад, осень стояла тёплая. Когда меня позвали составить компанию в поездке за кедровыми орехами, я согласился сразу. Как тяжела эта работа, я знал, бывал уже на таких мероприятиях, но работа благодарная, если есть орехи, а тот год был урожайный. Я в отпуске, занятий особых нет, почему бы не отдохнуть на природе. Компания собралась большая, такой только «батьку лупить», как говорил мой дед, а не орехи, но делать было нечего, никого не выгонишь. Собрались и родственники, и знакомые, и знакомые знакомых. Кто-то кого-то позвал, кто-то случайно оказался здесь. Меня тоже позвали, и я был доволен тем, что погода хорошая, что компания из молодых, а работа требует много силы.

Электричка подошла вовремя. Мы расположились почти на полвагона. Из моих близких были мой отец, его младший брат Иван, был ещё мой кузен со своим зятем, были и их друзья. Иван взял с собой ружьё, собак. Тайга всё ж. Ружьё было ещё одно у Сергея, который работал вместе с Иваном в лесхозе. Охотник он никудышный, но ружьё имел и завёл себе щенка, которого назвал Дима и старательно пытался сделать из него хорошую охотничью собаку.

Дима особым талантом не отличался, плёлся позади, иногда, наступая на пятки хозяину, чем вызывал смех и шутки в свой адрес.

У Ивана собаки были серьёзные, с ними он добывал разного зверя, в том числе и медведя. Такие собаки не толкались рядом с людьми, а где-то бегали по своим делам, иногда, появляясь поблизости, а потом вновь исчезая.

Когда все вышли на нужной остановке, уже начало темнеть. Мы быстро собрались и пошли по едва заметной тропе в гору. Подъём довольно крутой быстро определил, кто есть кто. Некоторые резво лезли вверх, подшучивая друг над другом, другие старательно сопели и надсадно кашляли. Давало о себе знать, привычка курить, и малоподвижный быт. Когда все поднялись наверх, совсем стемнело. И здесь выяснилось, что фонарика ни у кого нет. А тропка настоль неприметная, что в густом молодом ельнике её найти целая проблема. Иван,

человек таёжный, слегка матюгнувшись, стал сдирать с берёзы бересту и делать факел. Кто-то ещё сообразил и стал ему помогать. Вскоре с факелами, мы продолжили путь. Опять все загомонили, засмеялись сами над собой, но продолжали поход, хотя большинство не имели ни какого понятия, куда нас ведут. Тут ещё Дима то и дело попадал под ноги, и, получая пинка, визжал. Иван с Сергеем переговаривались, сверяя дорогу, переругивались, но продолжали идти вперёд. Постороннему ничего нельзя было понять. Куда идём? Туда ли? Ничего приметного. Кругом лес, мрак, а от факелов всё вокруг становилось ещё темнее. Такой поход продолжался больше часа. Уже все молчали. Только хруст сучьев под ногами, да натужное сопенье некоторых из нас нарушали тишину и покой густого леса. Наконец, мы вышли на небольшую поляну. Наши «Сусанины» по каким-то признакам определили нужное место. Решили заночевать здесь. Вскоре уже горел костёр, кто-то кипятил чай, кто-то просто расположился рядом с костром, потому, что здесь теплей и уютней. Иван поставил палатку и позвал меня и моего отца спать туда. Угомонились быстро.

Утром наши проводники прошли по ближайшему кедрачу и вернулись хмурые. Выяснилось, что здесь уже кто-то хорошо поработал, и делать тут нечего. Они предложили искать другое место. Все согласились, хотя, что им ещё оставалось? То, что ореха здесь не было это одно, а самое главное, что большинство и не знало, где мы находимся, и, как отсюда выходить. Немного перекусив, мы отправились дальше. Отсюда нужно было забирать машинку, на которой шелушат шишку и сита, на которых отбивается чистый орех. Машинка была тяжёлой, и я, как самый большой взялся её нести. Всё было бы неплохо, но у меня разболелось колено. Правда я об этом никому не сказал, и, стараясь не стонать, брёл позади всех. На этот раз мы шли по разбитой дороге. Идти было намного хуже, чем по тропе. Глубокие колеи от тяжёлых машин наполнены водой и грязью, по обочинам кусты, высокая сухая трава и куски грязи. Около часу продолжалось наше путешествие. Наши проводники остановились, переговорили, предложили нам какое-то время перекурить, а сами ушли куда-то в сторону. Минут через десять они вернулись и сказали, что нашли место, и что шишка здесь нетронутая, и стоит остановиться здесь. Мы вышли на старый табор. Кругом целыми кучами лежала прошлогодняя шелуха. Её было много. Видно, что поработала хорошая бригада. Мы расположились, развели костёр, быстро попили свежего чая и распределились кто, что будет делать. Одни решили, что будут работать колотом, другие собирали шишку в мешки, а остальные носили шишки на табор. У меня нога болела ещё сильнее, собирать шишки несподручно, и я взялся носить мешки с шишками на табор. Работа наладилась. Я уже несколько раз принёс мешки на табор.

Там хозяйничал мой отец. Как самый старший он остался на таборе готовить еду и в свободное время шелушить на машинке шишки. Машинку приладили на дерево, растянули под ней полог. В машинку засыпали шишки, железный барабан размалывал её, и шелуха вместе с орехом сыпалась на полог. Затем это всё просеивали на разных ситах, отделяя

мусор, а потом ещё на мелком сите отбивали от мелкого мусора и пустой орех. Работа кропотливая.

Когда в очередной раз я пришёл на табор, там сидел и попивал чай мой младший брат.

– Ты как сюда попал? – удивился я.

– На мотоцикле приехал, – рядом около дерева стоял маленький работяга – «Минск».

– А, как ты нас нашёл?

– В тайге тесно, как в квартире, спрятаться негде, – засмеялся он. – Остановился, слышу, кто-то матерится, подъехал, здесь батя. Вот, чайку сварганил крепкого, попей, – он налил мне чаю.

– Давай, горячим можно побаловаться, – чай связывал всё во рту и, даже, вызывал тошноту, – цифирь, что ли?

– Нет, просто крепкий. В лесу хорошо помогает, сил придаёт.

Я сделал несколько глотков и почувствовал, что колено, которое сильно болело, вдруг отпустило. По ноге растеклось тепло, и боль ушла. Стало хорошо. Мы уже вдвоём пошли к шишкарям. К тому времени все уже умаялись и всё чаще садились отдохнуть. Работу делали автоматически. Двое шишкарей старательно колотом били дерево, но шишки не падали. Увидев брата, обрадовались свежей рабочей силе.

– Помогай, а то уже сил нет, ничего не падает! – сказал один из них.

– Нет, это дерево я бить не буду, – сказал мой брат, улыбаясь.

– Давай, со свежими силами жахнем, всё слетит!

– Нет, это дерево я бить не буду, – повторил брат.

– Почему?

– Это дерево я бить не буду, может, другое попробуем?

Мы дружно посмотрели вверх. Оказалось, что эти двое старательно бьют по пихте. Там хоть и были шишки, но не те, которые нужны. Хохотали долго.

К вечеру шишек было добыто прилично. На таборе все занимались делом. Кто-то молотил, другие просеивали, отбивали, готовили дрова на ночь. Уже при свете костра ужинали. Потом пили чай и говорили. Рассказывали разные истории, смеялись, устраивались на ночлег. День был трудным, а завтра тоже много работы.

Утром, после завтрака, все опять пошли заготавливать орех. Когда на таборе уже никого не было, мой отец, пошёл посмотреть грибов к обеду, встретил ещё компанию заготовителей. Они оказались знакомыми и после обеда собирались отправляться домой. На их большой машине было много свободного места, и знакомый водитель согласился взять всех желающих домой. Когда об этом стало известно, почти все согласились ехать домой. Ореха уже добыли достаточно, очистили, и на себе тащить их многие километры по бездорожью не очень хотелось. Иван подошёл ко мне и спросил:

– Ты тоже хочешь ехать?

– Если все поедут, то, что мне здесь делать? Или ты хочешь остаться? – спросил я.

– Пойдём в наше зимовьё. Там тоже есть кедрач подручный. А всё, что добыли, мы отправим с твоим батей на машине. Налегке нам ходу часа полтора.

– Вдвоём пойдём? – спросил я.

– Серёга пойдёт с нами. На троих легче будет набить шишек, переночуем в избушке, а утром так же пособираем, отшелушим, ближе к вечеру пойдём на электричку.

– Хорошо, я согласен. Брать с собой будем что-нибудь?

– Только машинку возьмём, а потом оставим её в избушке.

– Я так понимаю, что машинку мне тащить?

– Наверное, у кого-то должны быть руки свободные, – хохотнул Иван.

Все рассаживались в кузове машины. Мы забросили свои мешки и наблюдали, как люди, довольные, что пешком тащиться не надо, смеялись, громко разговаривали, как стайка воробьёв у куска хлеба. Только мы втроём, пожелавших следовать своим путём, да ещё мой брат, который был на мотоцикле, молча, сидели у догорающего костра, попивая чай.

– Ты с нами? – спросил я брата.

– Нет, – сказал он, – на мотоцикле туда не попадёшь. Поеду домой.

Может, ещё и на реку заеду, посмотрю, как там дела.

Мы ещё послушали, как воеет мотор уезжавшей машины, потом, когда всё стихло, стали потихоньку собираться в дорогу. Вскоре уехал и брат. Собрав рюкзаки, тронулись и мы. Собаки уже убежали, только нелепый Дима плёлся позади, не помышляя о чём-либо. Сергей ругался, грозил ему прутом, то дело приговаривая: «А где прутик?», но реакции никакой не было. Мы перешли через дорогу, и пошли по вырубам. Здесь несколько лет назад вырубili лес. Все сучья и мусор сгребли в огромные валы и оставили всё зарастать бурьяном и осинником. В этих буреломах ходить было невозможно.

– А лучше дороги нет? – в шутку спросил я.

– Здесь козы держатся, – сказал Иван, – смотри, чтобы не затоптали.

– Тут только ноги ломать.

– А, вот посмотри сюда, – сказал он, указывая на свежие отпечатки копыт. Прошлой ночью были.

– Что они здесь делают?

– И кормятся, и подойти к ним непросто, и убегать есть куда.

Мы кое-как пробрались сквозь выруб и вышли в березняк, который тянулся ровной широкой полосой, словно его специально так рассаживали.

– Не ваш лесхоз делал посадки? – в шутку спросил я.

– Да-ну, мы только хвойные породы высаживаем, это природа постаралась. По вырубам, если специально не делать посадки, растёт только осина и берёза. И здесь когда-то вырубili лес, но осина не прижилась, а берёза обосновалась. Она так полосой и идёт почти

до самого зимовья.

И, правда, немного не доходя до избышки, березняк закончился, и его заменили сосны. Деревья стояли разные. Огромные разлапистые красавицы чередовались с ровным гладким строевым лесом. В самом низу рос невысокий густой подлесок, через который напрямую пройти было невозможно, и приходилось искать обходы.

Избушка была довольно ветхая. Срубленная из сосны, крыша, сделанная из жердей. Дверь маленькая, низкая, так же крохотное окно. Внутри стояла железная печка, обложенная со всех сторон камнями, камни нагревались и дольше сохраняли тепло. Эта печка могла служить и каменкой. Если была потребность помыться, то на печке грели воду, а на камни лили кипяток и парились. В избышке были ещё нары, для троих взрослых хватало вполне. Около строения стоял стол, собранный из жердей и скамейки, вбитые в землю. Зимовьё находилось на небольшой светлой полянке среди огромных сосен, только с одной стороны рос густой ивняк. Там бежал небольшой ручей. Вода в нём хоть и использовалась, но была беловатого цвета.

– Как вы пьёте такую воду? – спросил я Ивана.

– Раньше пили и ничего, но я нашёл небольшой родник недалеко отсюда, потом медведь разрыл его и сейчас там хоть купайся, – сказал он, – Медведь там ванны принимает.

– Избушку он вам сдаёт? – спросил я в шутку.

– Нет, избу мы сами делали, а медведь и сейчас здесь живёт. Он в кедрачах на шишке жир нагуливает. Глядишь, и встретимся.

– Может как-нибудь без встречи, – спросил я.

– Как получится. Ты не бойся, сейчас он сытый, не тронет, если, конечно, сам задираться не будешь.

Мы развели костёр и стали готовить ужин. Сергей варил еду собакам. После ужина мы сидели за столом, пили чай. Сергей разлил по баночкам варево для собак и поставил остужать. Его Дима вертелся под ногами, скулил, но хозяин терпел и ворчал:

– А где прутик? – говорил он щенку, но тот был настолько голоден, что готов был съесть и прутик. Когда еда немного остыла, Сергей поставил банки перед собаками. Дима быстро съел всё и стал поглядывать, где ещё можно подкрепиться. Старый кобель Ивана Кучум лежал около своей банки и словно не замечал еду. Дима подкрался и только собрался покушать, как Кучум нехотя поднялся, осторожно взял щенка за ухо и повёл на край поляны. Дима громко подвывал, но покорно плёлся следом, не пытаясь вырваться. На краю поляны, в кустах, Кучум оставил щенка, вернулся и лёг рядом со своей банкой, словно ничего не случилось. Дима ещё долго скулил, но сидел в кустах.

– Я думал, что он сейчас порвёт его, – сказал я. – Кому скажешь, не поверят.

– Кобель старый, он понимает, кто перед ним. Он с собаками не любит драться. Но если

приходится, то нужно разнимать. Готовы до смерти грызть друг друга. Собаки зверовые, они умные.

Спалось после тяжёлого дня тревожно. Я не могу спать, когда очень устану. Какие-то сны тяжёлые, о которых утром ничего не помню, но встал я довольно бодрым. После небольшого завтрака мы взяли мешки и пошли искать шишки.

– Пойдём к роднику, попьём холодной воды. Посмотришь медвежью купель.

Родник был метрах в сорока от избышки. Большая аккуратная яма, вырытая медведем, и вправду годилась под ванну. Довольно глубокая, края сильно утоптаны, было видно, что ей часто пользовались.

– Попьём? – предложил Иван. На дереве рядом с родником висела кружка, сделанная из бересты. Смастерили её не очень хорошо, но здесь она была полезной и потому красивой. Вода была холодная и вкусная, а самое главное очень чистая. Мы по очереди попили из кружки, повесили её на прежнее место. Подбежали собаки и тоже напились воды, и, даже, без кружки.

– Ты, что, не воспитываешь их? – пошутил я.

– От собаки никакой заразы нет, только одна польза. Охотники дают им вылизывать свои чашки после еды, чтобы ни какая зараза не заводилась. У собак в слюне своё «фери» есть. Ну, что пойдём? – сказал Иван и двинулся в нужном направлении. Мы прошли совсем немного и увидели одного орешника, который ночевал прямо на тропе. На небольшом костре в котелке заваривался чай.

– Здорово, мужики, – сказал он. – За шишками?

– Здорово, как успехи? – мы по очереди поприветствовали незнакомца. Мужик был обыкновенной внешности, среднего телосложения.

– Шишки много, брать можно, правда, «хозяин» ходит здесь. Видеть я его не видел, но слышал, и следов кругом много, и «отметился» он везде.

– Как же ты один ночевал? – спросил я.

– У костра.

– Костёр у тебя небогатый.

– Если медведь захочет подмять, то ни какой костёр не поможет. Он сейчас сытый.

– Ты орех за ровком бил? – спросил Иван.

– Да. Там и колот найдёте, он новый, я сам делал. А вы не подскажите, как мне лучше выйти, а то я закрутился немного, боюсь заплутать.

Иван рассказал нашему коллеге куда нужно идти, и мы пошли в кедрач. Колот, большой молоток, сделанный из жерди и чурки на конце. В тайге есть свой неписанный закон: старым колотом пользоваться нельзя. Не потому, что какое-то там поверье, просто от удара может отлететь чурка и ударить по голове. Мне приходилось это попробовать, правда, обошлось всё удачно, но опыт был. Колот мы нашли прислонённый к дереву. Осмотрели и решили, что

им можно работать. Иван с Сергеем били кедр, я собирал шишки. Работа спорилась, и вскоре наши мешки были полные. Взвалив на плечи ношу, двинулись к зимовью. Перейдя ров, мы вышли на тропу. На месте, где ночевал незнакомец, ещё немного дымился костерок, а поверх углей медведь уже сделал «кучу». Иван засмеялся:

– Не медведь, а пожарник. Вот пойми зверя, для чего он навалил именно в костёр. Смотри, все говорят: зверь боится костра, – сказал Иван, обращаясь ко мне, – Ни черта он не боится.

В это время недалеко залаяли собаки.

– Взяли его, – Иван прислушался.

– Что, они его держать будут? – спросил я.

– Нет, он уйдёт. Там густой мелкий подлесок, по которому он катится, как мячик, а собаки там не пойдут.

Вскоре мы подошли к роднику. Вода в нём было взбаламучена, всё вокруг истоптано свежими медвежьими следами. Вскоре появились и собаки. Они спокойно полакали мутной воды и опять исчезли. Около избушки ничего не было тронуту. Мы сели за стол перекусить.

– Ты после обеда останешься молотить шишки, а мы с Серёгой ещё разок сбегает. Приладим машинку, оставим тебе ружья, а сами налегке, побольше шишек принесём.

– Хорошо, – согласился я.

Иван прибил машинку с большой сосне на краю поляны, растянули под ней брезент.

– Ты, хотя бы перемолоти, а мы потом вместе отсеем.

– Если успею, то я и сам отсею, сита же есть.

– Мы ружья положим рядом на всякий случай, если, что стреляй.

– Хорошо, – кивнул я, – если, что, то буду палить.

Мы рассмеялись, понимая, что если не дай бог, что, то и до ружья дотянуться не успеешь.

– Ты не торопись особо, успеем сделать.

Они с Сергеем, взяв мешки, быстро исчезли в лесу. Собаки умчались за ними. Я стоял посреди поляны прислушивался к шуму леса. Где-то там, по макушкам сосен гулял ветер, понемногу шумел. А здесь внизу тихо, пригревало осеннее солнце, было хорошо, но меня ожидала работа. Я насыпал в машинку шишек и стал крутить ручку. Машинка шумела, барабан размалывал шишки, и орехи вместе с шелухой посыпались на полог. Сначала всё шло нормально. Но вскоре меня охватила какая-то тревога. Меня словно чем-то кололи в спину. Я оглядывался, пытаюсь рассмотреть, что беспокоит, за спиной сплошной стеной стоя ивняк, сквозь который ничего не просматривалось. Это беспокойство стало перерастать в страх. Я постоянно оглядывался и снова продолжал молотить. Поглядывал на ружья, но в кого стрелять не видел. Мне стало стыдно от своего страха, стараясь не оборачиваться, я продолжал молотить, ощущая ужас. Хотелось куда-нибудь бежать, а я продолжал молотить.

Мне было очень стыдно за свою слабость, но я продолжал работать. Наконец шишки закончились. Я стал просеивать орехи. И всё исчезло. Страх ушёл. Я больше ни разу не вспомнил ни о какой панике. Когда Иван с Серёгой пришли, я уже заканчивал. Когда мы сели пить чай, я решился рассказать обо всём. Не хотелось услышать насмешки над собой, но было желание узнать, что произошло. К моему удивлению никто смеяться не стал.

– Это медведь тобой любовался. Если хочешь, сходи в ивняк и посмотри следы. У него такой взгляд едкий. Мурашки по коже не бегали? – спросил он меня.

– Какие мурашки? Просто иголками по спине.

– Будешь знать теперь, – сказал Иван обыденно, словно это происходило каждый день.

Мы закончили все дела, собрали рюкзаки и приготовились уходить. Иван с Сергеем заспорили между собой об обратной дороге. Сергей хотел идти по той же дороге, по которой пришли, Иван сказал:

– Ты как хочешь, а я по чистому распадку спущусь здесь к железной дороге, а там по гравийной дороге вдоль реки до станции недалеко. Я по этому распадку ещё в детстве из деревни сюда ходил. Пусть здесь немного дальше, но дорога легче.

Мы надели на плечи рюкзаки и пошли. Сначала тропинка была чистая, хоть и слабо проглядывалась. Но вскоре она пропала среди поваленных крест-накрест деревьев. По распадку прошёлся такой бурелом, какого я никогда не видел. Мы курсировали с одного склона на другой, обходя завалы, лазили под стволы деревьев. Много раз садились отдыхать, а потом снова, как челноки сновали с одного склона на другой. Часа через полтора мы прошли бурелом. Перед выходом на дорогу мы минут десять шли по чистой тропе. Вдоль неё росло огромное количество опят. Иван собирал их и совал в большой котелок, который висел на рюкзаке у Сергея. Сергей не видел этого. Когда вышли на дорогу, все облегчённо вздохнули. Мы присели у обочины отдохнуть. Здесь я и спросил:

– Вань, если это чистый распадок, какой тогда грязный?

Сергей захохотал.

– Я лет двадцать назад здесь ходил, тропа была чистая, – оправдывался Иван.

– Если бы мы куда-нибудь не вляпались, то это был бы не Иван, – смеялся Серёга. – Хочешь приключений на свою задницу, сходи с Иваном, найдёшь.

– Ладно, пойдём дальше, а то разговорился.

И мы пошли. Через какое-то время я оказался впереди. Иван с Сергеем шли, согнувшись, о чём-то спорили, Иван иногда свистел манком, приманивая рябчиков. Так мы и плелись целый час, пока впереди не показалась станция. Там Сергей устроил скандал, когда увидел грибы. Я не стал слушать перепалку, а спустился к реке и стал умываться. Вода освежила, но усталость не прошла. Потом я снял лишнюю одежду, положил в рюкзак. Стало легче.

Дома меня ждали. Протопили баню. В бане, когда я разделся, то понял, почему у меня перестала болеть нога. На всё колено красовался огромный синяк. Наверное, лопнул какой-

то сосуд. Но всё обошлось, и нога не болела. После бани за ужином, я узнал, что все доехали нормально, что мой брат вместе с мотоциклом слетел в яму с жидкой грязью, потом отмывался в реке.

На следующий день Иван пошёл пасти коров. Подошла очередь.

Март 2010 г.

10

Я сижу у окна. За стеклом хозяйничает зима. На календаре март, а на дворе минус тридцать. Наступают сумерки, всё становится серым, однообразным. И огромные сугробы снега, и дома, занесённые за зиму по самые окна, а кое-где и выше. Изредка мимо проезжают машины, а людей и вовсе не видно. Я смотрел в окно, но перед глазами была осень. То время, когда уже кончилось лето, но до слякоти и холодов ещё есть время. Мне вспомнился рассказ, который я слышал от одного знакомого. Может, в нём нет ничего особенного, может это всё придуманное, но меня впечатлило повествование. Случилось вот, что.

Та осень тянулась долго. Было тепло, сухо, не жарко. Благоприятные дни, которые так желанны. Такая осень бывает редко и поэтому особенно помнится. Все успели управиться со своими хозяйственными делами и готовились к холодам.

Стрельба началась на окраине деревни. Несколько раскатистых ружейных выстрелов разорвали тишину, распалили собак. В деревне возникла тревога. Кое-кто выглядывал из-за калитки, кто-то просто смотрел в окно. По улице на стареньком мотоцикле с коляской проехал участковый. Хотя он никогда не ходил в форме, но его все знали и подчинялись.

Всё оказалось не столь опасно, как показалось вначале. Трое пьяных землеустроителей затеяли стрельбу в воздух, устроили салют. От изрядной дозы выпитого поднялось настроение и захотелось праздника. Стреляли вверх по очереди и радовались, как умеют дети и пьяные.

Когда подъехал участковый, трое весёленьких взрослых мужиков мило улыбались и тянули руки вверх.

– Что за война? – строго спросил он.

– Начальник, прости убогих, мы только салют маленький сделали, – сказал один из них, самый маленький, – Настроение хорошее.

Остальные двое высоких крепких мужиков стояли и невинно улыбались.

– Хорошее настроение не повод устроить стрельбу в деревне! – участковый не принял их весёлого настроя. – Кто старший?

– Я, – ответил самый маленький.

– Вы кто будете?

– Я Михаил, а это Василий, – он указал на одного из них. – И Паша.

– Чем занимаетесь здесь?

– Лесоустроители мы. Участки размечаем.

– Что за праздник? У вас времени немного осталось тёплого, а вы гулянку устроили.

– Деньги завелись немного, но завтра мы будем, как огурчики.

– Ружьё давай от греха подальше. Завтра трезвый придёшь и заберёшь.

– Мы больше не будем, – пытался уговаривать Паша.

– Давай, – блюститель закона так посмотрел, что никто не стал возражать. Он взял ружьё и положил его в коляску.

– Аккуратней, – пытался пошутить Паша.

– У меня есть амбар свободный, не желаешь? – сказал участковый, усаживаясь на мотоцикл.

– И я вас прошу, мужики, давайте по- взрослому. Выпили, ладно, но чтобы без проблем.

Мотоцикл уехал. Весёлая троица, обнявшись, пошла на окраину деревни, где в полутора километрах стоял их вагончик – жилище, но потом завернули в магазин. Через некоторое время они продолжили путь. Из карманов торчали бутылки с водкой. Впереди, помахивая хвостом, семенила небольшая собачонка, непонятной породы.

На другой день Паша с Василием продолжили праздник, а Михаил пришёл к участковому за ружьём.

– Одумались? – спросил милиционер, отдавая ружьё.

– Мужики ещё гуляют, а я завтра утром пойду.

– Мужики-то надолго загуляли?

– На завтра ещё водки хватит, ну и всё, денег больше нет.

– Как они, не буйные? Парни не хилые.

– Нет, песни поорут, водка кончится, работать пойдут.

– Зверя встречали в лесу?

– У нас собак нет охотиться, так слышали шум, треск, а чтобы видеть, не приходилось.

– Осторожней там, недавно человек потерялся в лесу, може, кого встретите, или, что увидите.

– Кто пропал?

– Из города мужик за орехами поехал и не вернулся.

– Загулял где-нибудь.

– Может и загулял, но в прошлом году тоже человек пропал в тайге, так и не нашли. Ты за своими ребятами пригляди.

– Ладно, – сказал Михаил и пошёл. Собачонка последовала за ним.

Через три дня к участковому прямо домой пришли Паша и Василий. Увидев их растерянные лица, участковый понял, что случилось неприятное.

- Что у вас там?
 - Мишка пропал, – сказал Паша.
 - Как пропал?
 - Два дня назад ушёл в лес, и до сих пор нет.
 - Может, уехал куда? – спросил участковый.
 - Он бы сказал.
 - Ну, может, заночевал где-нибудь.
 - Собака была вместе с ним и вернулась одна.
 - Мало ли, что?
 - Нет, она без него ни куда не ходит, а тут одна пришла и вертится, места не находит.
 - А сами, не ходили искать?
 - Если сегодня не придёт, то завтра утром пойдём.
 - Знаете куда он пошёл?
 - Да, он по путику собирался, на дальний участок.
 - С ружьём пошёл?
 - Да.
 - Ладно, если, что сообщите мне потом, да не пейте больше.
 - Денег нет, много не погуляешь.
- Они ушли.

Через три дня участковому позвонили из района и сказали, что одного человека подобрала локомотивная бригада. Он был изувечен медведем. Сказали, чтобы милиционер проверил всех своих людей. Больной пока ещё без сознания, и никто ничего не знает, что случилось. Поэтому нужно бы выяснить, как можно больше на месте. Участковый сразу понял, кто эти люди, но ответил, что всё выяснит и доложит.

На стареньком мотоцикле он подкатил к вагончику. Там около двери лежала собачонка и внимательно смотрела на гостя. Ни в вагончике, ни рядом никого не было. Похоже, хозяева здесь не ночевали.

– Где хозяева? – спросил участковый собаку. Та виновато завертела хвостом, но от двери не отходила, – Понятно, что-то здесь не чисто.

Уже в своём кабинете он набрал номер районного управления милиции. Его соединили с начальником.

- Что-нибудь выяснил? – спросил начальник.
- Здесь у меня работают землеустроители, Был у них на таборе, их нет, и не ночевали пару ночей.
- Может в тайге заблудились?
- Собачонка, которая с ними была, одна возле вагончика сидит.
- Тут мужик пришёл в себя и сказал, что на них напал медведь, ему удалось каким-то

чудом спастись, а второго он порвал насмерть.

– Они ко мне приходили до этого, говорили, что их старший пропал, несколько дней не появлялся. Они собирались его искать.

– Слушай, ты там, на месте оцени обстановку, я к тебе отправляю следователя и ещё районный охотовед ребят попросил, охотников проверить, что там случилось. Ты с ними как-нибудь согласуй дела, если будет нужно – помоги. Подробности они тебе расскажут, встречай сегодня вечером.

– Хорошо. Поможем.

– Удачи вам, если медведь людоед, то это серьёзно, ты-то знаешь.

– Знаю.

– Ну, ни пуха, ни пера.

– К чёрту, – сказал участковый и положил трубку.

«Не было печали, – подумал он, – если людоед, то придётся своих мужиков деревенских поднимать. Кого они там пришлют, кто его знает, а зверь шутить не будет. Ладно, выясним подробней, потом и будем решать, что делать». Он посмотрел на часы, до прихода поезда время ещё было, можно сходить пообедать.

К дому подъехала БМП. Самая натуральная боевая машина пехоты, только на ней не стояла пушка. Среди приехавших было трое мужчин среднего возраста да две собаки. Одна была лайкой, а вторая непонятной породы, помесь овчарки с дворнягой.

Среди приехавших, выделялся один, который был немного постарше двух других.

– Ты, что ли, участковый будешь? – спросил он совсем обыденно.

– Ну, я. А вы кто?

– Охотовед попросил помочь, говорит, что проблемы есть.

– Хорошо, давай тогда знакомиться, меня зовут Евгений, можно просто Женья, – участковый протянул руку старшему.

– Иван, – сказал тот. Из тех, кто помоложе – один был Антон, а другой Никита.

– Охотники?

– Да, так, помаленьку, – сказал Иван.

– Собаки твои?

– Мои.

– На медведя хаживали?

– Бывало.

– Вы тоже охотники? – спросил Евгений остальных. Те, молча, кивнули.

– Начальство звонило, что следователь будет. Он не с вами?

– Поездом приедет, – ответил Антон.

– Давай присядем и поговорим, а то я, честно сказать, и не знаю, что произошло.

Мужики сели на скамейку возле дома и потянулись за сигаретами.

– Ну, что там случилось? – спросил Евгений, обращаясь к Ивану.

– Пусть Антон расскажет, он лучше всех знает.

– Дело вырисовывается такое, – начал Антон, – Сначала Михаил ушёл один на участок, но не вернулся. На третий день Пашка с Василием пошли на поиски. Ружья у них не было, собирались они не охотиться, а пойти на участок. С ними была собачонка, которая одна вернулась, без Михаила. Когда они прошли километра полтора-два на Пашку неожиданно сзади напал медведь. Подкрался совсем неслышно, даже собачонка не учуяла. Пашка заорал. У него на спине висел рюкзак, он и спас его от первого удара. Василий обернулся и, увидев медведя, схватил, было, топор, который был на рюкзаке и стал бить медведя по голове. Но впопыхах в руке оказался не топор, а здоровая кружка, в которой заваривали чай. Зверь бросил Пашку и накинулся на Василия. Пашка, изрядно помятый, сумел забраться на дерево. Тут ещё собачонка лай подняла. Василия медведь порвал сразу насмерть и потом уволок в лес. Пашку всего в крови, лежащего на насыпи, увидела бригада товарного поезда. Они связались с пассажирским составом, идущим следом, и те подобрали его. Он был без сознания долго, потом очнулся в больнице. Как он дополз до дороги, он не помнит. Но, что вспомнил, рассказал.

– Ты его видел? – спросил Иван.

– Там сплошная повязка, врач сказал, что состояние тяжёлое, но не смертельное.

– Если нервы крепкие, может и выживет.

– То есть? – удивился участковый.

– Если сердце крепкое, то выживет. Чаще всего, кто побывал в лапах медведя, умирают от пережитого страха. Если не сможет перебороть страх, может сердце не выдержать.

– Понятно. Что делать будем? – поинтересовался Евгений.

– Покажи нам, где эти мужики жили, – попросил Иван.

– Поехали. А, вы всегда на охоту на танке ездите?

– Что есть. Лесхоз по случаю купил.

– Жалко пушки нет.

– Меньше соблазнов.

– Каких?

– Да пушкой поводить. В наше время есть желание на прицеле кое-кого поддержать.

– Ну – да, согласился Евгений, – Иван, не обижайся, хочу спросить, ты на медведя ходил? Я не из любопытства спрашиваю, просто дело серьёзное. Если, что можно мужиков из деревни позвать, у нас есть таёжники.

– Справимся. Сначала посмотрим, что там за дела. Ребят, правда, я не знаю, но охотовед сказал, что они надёжные. Посмотрим, будет тёмно – будет томно, а, как захорошеет, так и узнаем.

– Ладно, как знаешь. Я не охотник, но пойду тоже. Сам понимаешь, служба, – словно

оправдываясь, сказал участковый.

Собачонка подняла лай, но убежать не собиралась. Её не смутили два здоровых кобеля. Правда, они и не обратили на неё особого внимания. Обнюхав всё, они не нашли ничего интересного, и быстро удалились по своим делам.

После осмотра вагончика, Иван сказал:

– Мы здесь и заночуем, а ты с утра приезжай, вместе и сходим, посмотрим, что произошло. Ты возьми ружьё, если есть, мало ли, что.

– Найду что-нибудь.

– Женя, что-нибудь посерьёзней.

– Разберёмся.

В вагончике места было достаточно. Все были неприхотливы. Иван стал готовить ужин, а ребята пошли на улицу разжигать костёр. За ужином достали бутылку водки.

– Давай за знакомство, – предложил Иван.

Выпили. С ужином, состоящим из куска сала, консервов и овощей и зелени со своего огорода справились быстро. Водку тоже допили.

Потом сидели у костра и молчали. Антон с Никитой курили, Иван просто смотрел на пламя. Потом он спросил:

– Кто-нибудь из вас на медведя ходил?

– Нет, – сказал Антон.

– Как же пойдём?

– В первый раз, – усмехнулся Никита.

– Это хорошо, что с юмором дружите. Запомните, будет страшно, но если не перебороть страх, подведёте себя ну, и других тоже. Паниковать не надо, он хоть и хитрый, но зверь. Действовать обдуманно. Ладно, чего дыму напускать заранее.

Когда приехал участковый, все трое были готовы к работе. Собаки вертелись неподалёку, предчувствуя охоту, собачонка была тут же. У Евгения нашлась хорошая двустволка двенадцатого калибра. И снаряжён он был со знанием дела. Небольшой рюкзак за плечами, нож в ножнах на поясе. Одет был по-осеннему, легко и достаточно тепло.

– Хотел ещё собаку взять, но побоялся, что кобели передерутся, здесь дело серьёзное.

– Правильно. Мои не упустили бы случая. Между собой пластаются, а у чужого шансов нет, дерут в паре. Ну, что Женя, пойдём. Где они работали, там и поищем следы.

Маленькая собачонка увязалась с ними. Она бежала впереди по знакомой тропинке, указывая дорогу. Шли не торопясь, без суеты. Ружья у всех висели на плече. Собак не было видно и слышно. Похрустывали ветки под ногами, раздавались привычные лесные звуки. Через час ходу, залаяла собачка. Все напряглись, вслушиваясь в шум леса. Ничего необычного не было. Никаких перемен. Только стало чувствоваться какое-то напряжение. Вдруг стали заметны мелочи, которых не видели раньше: явно проявился запах высохшей

осенней травы, желтеющие листочки на осинах и берёзах стали привлекать внимание своим колыханием, кончики высокой сухой травы едва шевелились. Шум леса стал громче, но каким-то монотонным, и казалось: вот-вот раздастся сейчас что-то особенное. Все остановились, стали прислушиваться и озираться. Но ничего подозрительного не было. Собачонка перестала лаять. Все медленно двинулись дальше. Через несколько шагов остановились. Перед ними находилось место, где и произошло нападение. Среди измятой травы валялись обрывки одежды в бурых пятнах, которые походили больше на грязь, чем на кровь. Валялась кружка со следами заваривания чая, но целая, не измятая. Ещё кое-какие вещи.

Иван стал осматривать место с точки зрения охотника. Вскоре он уже понял, как всё произошло.

– Он напал на заднего вот здесь, – Иван показал место, – А первый был вон там. Заднего, медведь мьял тут. Первый кинулся на помощь, за него зверь принялся вот на этом месте. Тот, который спасся, залез на эту берёзу, остались пятна крови и поломанные ветки. Если бы медведь захотел, он достал бы, но ему было достаточно одного, люди для него были добычей, а не врагом, поэтому, второй остался жив. Медведь не заготавливал еду впрок.

И потащил добычу вон туда, – Иван указал на кусты, куда вёл след.

Он посмотрел на своих попутчиков и усмехнулся. Все трое уже ружья держали в руках. Когда они это сделали, никто бы не объяснил. Но особого ужаса в глазах не было, ни у кого. «Это уже хорошо, – подумал Иван, – для начала нормально». Он пошёл по следу, ведущему в кусты. Там оказалось то небольшое, что осталось от человека. Изодранный рюкзак с разбросанным содержимым, один армейский ботинок и несколько обглоданных костей.

– Идите сюда, – позвал он, – Евгений, тебе, наверное, надо это видеть, что бы отчёты писать.

Участковый что-то писал в своём блокноте, лежавшем во внутреннем кармане. Антон с Никитой стояли рядом друг с другом, но смотрели в разные стороны, словно ожидали нападения. Когда участковый закончил свои дела, двинулись дальше. Теперь шли медленно. Оглядываясь и прислушиваясь. Напряжение возросло до предела. И всё вокруг стало тещё более таинственным и зловещим. Через несколько минут наткнулись на место, где произошло первое нападение. Место было похожее. На земле валялась изорванная полевая сумка, содержимое валялось ту, же разорванное на мелкие клочки. Один сапог, разорванный пополам, валялся немного в стороне. Посреди небольшой полянки, где произошла трагедия, красовалось ружьё, ствол воткнут в землю до самого цевья. Что произошло здесь, не было секретом. Медведь напал сзади, и возможности спастись у человека не осталось. Иван осмотрел ружьё. Оно было заряжено. Всё произошло очень быстро, и человек даже не успел попытаться защититься.

Когда Евгений закончил свои канцелярские дела, стали решать, что делать дальше.

– Что скажешь, Иван? – спросил участковый.

– Зверь очень опасный. Теперь он не остановится. Все видели, как он действует. Нападает наверняка. Он очень большой, старый, возможно был когда-то ранен. Но он зверь, и действует по своим правилам. Бояться не стоит, но опасаться надо и делать всё обдуманно.

Иван ещё что-то говорил, но уже автоматически. Несколько мгновений назад он почувствовал то необычное ощущение, которое бывает от взгляда маленьких пронизывающих насквозь глаз.

«Ну, вот и началось, – подумал он, – зверь уже здесь. Он уже наблюдает за нами. И не уйдёт просто так. Теперь надо всё сделать правильно. Сейчас надо продолжать идти по путику, растянувшись цепочкой. Он нападёт на одного. Он нападёт на последнего, а последним пойду я. Так, что просто у него не получится. Он здесь, но надо определить, где прячется. Скорее всего, там, в ельнике, но где? Пока не определю, где он находится, расходиться нельзя. Так, что это? Нет, это не простой медведь. Вот он. Стоит за елью на задних лапах, совсем, как человек. Отсюда не нападёт, ему надо какое-то время зайти сзади. Но пока мы стоим, он не тронется. Что ж, теперь поглядим, что ты за зверь».

– Мужики, будем делать так, – Иван уже знал, что сейчас произойдёт. – Дальше пойдём цепочкой, один за другим, не выпуская, впереди идущего, из вида. Идём медленно, аккуратно, стараемся не шуметь. Ребята, только без паники, если, что действовать быстро и решительно. Первым пойдёт Антон, оружие наготове, второй Никита. Женя, ты за ним, последним пойду я. Если, что действовать по обстановке. «Может, сказать, что зверь уже здесь, или не надо? Нет, как они себя поведут, я не знаю, а потом бояться будет поздно». Иван говорил, продумывал ситуацию и смотрел на ель, за которым был противник сильный и беспощадный одновременно.

– Ну, ребятки, начнём.

– Ты думаешь, что мы найдём его, – спросил участковый.

– Он сам нас найдёт, а мы его встретим, – Иван улыбнулся, стараясь снять напряжение со всех. Получилось. Все тоже немного расслабились. – Антон, пошёл, а дальше все по порядку, как договорились.

Когда пошёл Евгений, Иван едва успел заметить, как зверь стал медленно опускаться вдоль ствола дерева. «Хитрец. Но я тоже не простак. Сейчас ты обойдёшь сзади и появишься именно здесь, где я тебя буду поджидать. И поступишь ты именно так, а не иначе. Ты делал уже это и у тебя получалось. Но на этот раз всё будет по-другому». Иван прислонился к небольшой ели и стал ждать. Страха не было, просто была работа, которую надо сделать хорошо, и азарт, от того, что он в деталях знал, как всё произойдёт, и неожиданностей не будет. Просто сейчас надо сделать то, что нужно сделать. Медведь должен появиться как раз здесь, где его ждут, в десяти метрах, из-за сосны. И появится он через несколько секунд.

Иван держал ружьё у пояса. Левый указательный палец на спусковом крючке. Правой рукой он держал цевьё и в ладони лежали ещё два патрона. Он не был левшой, но стрелял всегда с левого плеча. Просто, правый глаз плохо видел с детства, и Иван научился стрелять с левой руки. На качестве стрельбы это не отражалось. Даже в армии он хорошо стрелял с карабина, едва не получая по носу затвором.

Два патрона в стволах его выдавшего виды ружья, да ещё два в руке, это всё, что можно успеть сделать за мгновения, которые у него будут. Он ещё раз прокручивал в голове все свои действия, которые предстоит сделать. Где-то там, в голове, вне его сознания кто-то считал. Просто считал: один, два, три..., пять, шесть..., девять, десять. Позади него уходили его коллеги. Был слышен треск сучьев под неосторожными шагами. «Тоже, мне охотники, – подумал Иван, – подавит вас, как котят и пикнуть не успеете». Голос в голове отсчитал: – пятнадцать. И он появился. Точно в том месте, где и должен был появиться. Зверь медленно шёл по тропе, совсем не ожидая встретить здесь преграду. Он на мгновение остановился и стал подниматься на задние лапы. Дальше всё происходило, как в замедленной съёмке. Медведь вырастал в размерах очень быстро. Его маленькие глазки пронзали насквозь. Пасть медленно распахивалась. Верхняя губа вибрировала, нижняя собралась в трубочку. Из глотки вырывался гул. Вместе с ним с языка и жёлтых оскаленных зубов летели большие капли слюны. Тёмно-бурая шкура вздыблена. С передних лап, с когтей свисали клочья сухой травы. Листочки на осине вибрировали. Всё это вызывало ужас. Но Иван был знаком со всем этим и знал, сейчас последует нападение. Он стрелял, почти, не целясь. Не было времени. – Восемнадцать, – считал голос. Выстрелы слились с рыком. Дуплет прозвучал протяжным грохотом. Иван услышал шлепки пуль и даже увидел, что они попали в грудь. Рёв прервался. Зверя немного развернуло, и он стал заваливаться на спину. Щёлкнул выбрасыватель, две дымящиеся гильзы вылетели из ствола, вращаясь, медленно падали на траву. Когда они, наконец, долетели до земли, два новых патрона уже находились в патроннике. Ружьё закрылось, и было готово к работе.

– Двадцать, – считалось в голове. Медведь упал на спину, покатился в сторону и исчез в траве. Только хруст веток говорил о том, что зверь быстро уходил. На звук Иван выстрелил ещё раз. Но это было больше для самоуспокоения и ещё больше напугать зверя.

– Двадцать пять, – отсчитал голос и затих. Затих и шум убегающего зверя. Только где-то со стороны спины был слышен топот, бежавших на выручку товарищей. Все слышали рёв и выстрелы.

Иван сел на валёжину.

– Он нашёл нас, – сказал Евгений.

– Да, он нас ждал, там, где мы нашли ружьё. Я его там заметил.

– А чего не сказал?

– Если бы мы не разошлись, он не напал бы сейчас, а потом могли бы и не заметить.

– Здесь много крови, – сказал Антон, осматривая место, где был медведь.

– Я попал в него. В грудь, может смертельно, а, может, и нет. Даже если и смертельно, он сможет уйти далеко. Сейчас пойдём по следу, надо его останавливать. Он и так опасен, а теперь ещё и ранен, так вдвойне.

Где-то там, куда ушёл медведь залаяли собаки. Загудели так, как они лают на зверя.

– Ну, вот и всё. Теперь пошли, но аккуратно. Зверь старый, может обмануть собак и устроить нам встречу.

– Как это он собак обманет? – спросил Евгений.

– Очень просто. Начнёт уходить по кустарнику, сделает круг, и подождёт нас. Собаки в густой кустарник не пойдут. Не спешим, идём медленно и внимательно.

Лай собак слышен был всё дальше и дальше. Охотники шли по следу. Крови на траве попадалось всё меньше и, наконец, она исчезла. И след становился менее явным. Уже надо было всматриваться, где проходил медведь. Иван понял, что рана не смертельная, на что он втайне надеялся, и просто так он не сдастся. Теперь, получив отпор, зверь станет ещё осторожней. Теперь он тоже охотник, и мы его дичь. Ощущение не очень приятное. Осознав это, Иван остановил погоню.

– Стой мужики, – сказал он, – закуривай, кто желает. Сейчас передохнём немного и пойдём назад. Скоро начнёт темнеть и рисковать не имеет смысла. В темноте он нас переловит. Завтра с утра прямо с этого места и начнём вместе с собаками. Из этих мест он не уйдёт.

– Ты смотри, какой зверюга, ничего не боится, попёр прямо в наглую. Ружья не испугался. Что за зверюга, такой? Ты, Иван, встречал таких?

– Встречать не встречал, но слышал от охотников. Это людоед. Если просто медведь опасен, то людоед вдвойне, этот ещё и ранен, значит втройне. Мы охотимся на него, а он на нас. И он не бросит охотиться и не уйдёт. И нам нельзя уйти. Добычу себе он найдёт. Если не в лесу, то зайдёт в деревню. Теперь, вы поняли, с кем имеем дело? Но трястись не стоит, надо только просчитывать его, что он будет делать и, как он поведёт себя.

Было всё понятно и от этого становилось ещё тревожней. Но они были здесь, поэтому самому делу, все осознавали опасность и никто не возражал. Возвращались уже в сумерках. Возле вагончика крутилась собачонка, радовалась нам. Когда она убежала, никто не видел, но все были рады ей. Рады, что она не пропала, не попала в лапы зверю.

За ужином выпили две бутылки водки, но не опьянели. Напряжение, накопившееся за день, сошло, люди немного заулыбались.

– Поджилки тряслись? – спросил Иван.

– Было немного, – заулыбался Антон.

– А тебе? – спросил он Никиту.

– Я особо не понял. Медведя не видел, только слышал рёв. Это, конечно, впечатлило. Но

я не представляю, как бы поступил на месте Ивана. Я вот, что подумал, Иван умышленно пошёл последним. Это так?

– Да. Я знал, что он нападёт. Будет страшно, но я это уже проходил. Мне приходилось встречаться с медведем на таком расстоянии. Честно сказать, этот слишком наглый. И, я думаю, с ним нам будет не просто. Завтра возьмём собак и пойдём туда, где мы бросили след, но у меня есть кое-какие мысли. Завтра проверим. А сегодня, давай проверим патроны, и спать. Иван долго ворочался, не мог уснуть. Вспомнился случай, когда он со своим товарищем набрали на медведя едва ли не случайно. Тогда они решили пройтись, посмотреть следы коз. Отошли от избушки совсем недалеко. Залаяли собаки. Иван сразу понял, что они остановили зверя. Но, что это за зверь, он не догадывался. Когда они подошли, то уходить возможности не было. Медведь сидел, молча, смотрел на собак. Он был такой большой, что собак совсем не боялся. Они тоже не подходили совсем близко. Иван сказал напарнику, чтобы тот встал за вывороченным корнем, а он, Иван встанет за дерево. У напарника была двустволка, а у Ивана один ствол шестнадцатого калибра. Напарник должен был выстрелить один патрон, затем очередь Ивана, потом второй выстрел напарника. После первого выстрела медведь резко вскочил. Собаки разлетелись в стороны. Зверь развернулся и пошёл на Ивана. Тот выстрелил. Медведь остановился и медленно стал заваливаться на бок. Падая, он схватил лапами берёзку, сантиметров десять в диаметре и с корнем вырвал. Иван подбежал и выстрелил в упор, на всякий случай. Подскочили собаки и стали рвать шкуру. Когда Иван через какое-то время, осматривая ружьё, сказал:

– Смотри-ка, не осеклось.

– Что? – не понял напарник.

– Ружьё у меня осечку даёт, а вот сейчас не осеклось.

С напарником случилась истерика. Он орал на Ивана, говорил, что тот придурок, что он никогда больше с Иваном не пойдёт на охоту.

И едва не полез в драку. Но не решился. Иван вспомнил про этот случай, усмехнулся и вскоре уснул.

Утром они направились туда, где оставили преследование. Собаки сновали туда-сюда, но медведя не было. Время подходило к обеду.

– Что будем делать дальше? – поинтересовался Евгений.

– Нужно возвращаться туда, где мы его встретили. Он нас сам там найдёт. Только желательно сделать это побыстрее. Он может первым сделать нам засаду. Охотники возвращались осторожно. Расположились в засаде по двое. Иван с Евгением, а Никита с Антоном. Они устроились недалеко друг от друга. Метрах в тридцати. Чтобы быть на виду. Около часа просидели молча. Всё было тихо. Потом где-то довольно далеко раздался лай собак.

– Идёт, – шепнул Иван.

– Как ты угадал? – удивился участковый.

– Я не гадал. Он людей встречал только здесь, а теперь он охотится на нас, значит, он будет искать здесь. Приятно ощущать себя добычей? – усмехнулся Иван.

– Нет, не очень.

– Женя, когда он появится вон оттуда, – Иван показал направление, – ты стреляй первый, а я после, чтобы у тебя было время перезарядить.

– А если он пойдёт на ребят?

– Нет, удобней выйти на нас. Там большой бурелом, а он подранок. Так, что встречать нам. Лай собак приближался, а потом затих.

– Бросили, что ли? – недоумённо посмотрел Евгений.

– Он оторвался от них, чтобы не мешали. Смотри внимательно, скоро появится.

Иван посмотрел в сторону ребят и удовлетворённо заметил, что они не расслабляются. Тоже ждут появления. Он появился неожиданно. Шёл громко, не скрываясь. Низко наклонив голову. словно собирался протаранить всё, что встанет у него на пути. Евгений стал выцеливать, стараясь стрелять наверняка. Время тянулось долго. Иван успел посмотреть на напарника. Тот продолжал целиться. Наконец, раздался выстрел. Медведь резко мотнул головой, развернулся, и опять стал уходить. Иван послал дуплет вдогонку. Стреляли и Антон с Никитой. Зверь опять уходил быстро и шумно. Ещё раз раненый, ещё раз сумевший уйти. Это становилось очень и очень опасно. Теперь он мог караулить где угодно. Он был взбешён. Уходил с диким рёвом, словно грозился. Все четверо словно онемели. Страха особого не было. Было наваждение. Медведь словно заколдованный. В него попадают, а он уходит. От этого стало не по себе даже опытному Ивану.

– Пойдём за ним? – спросил Никита.

– Скоро темнеть начнёт, не стоит, – сказал Иван. – Завтра надо его здесь ждать и собак надо сюда, чтобы они его здесь взяли. В этом месте лес немного почище, может, смогут задержать хоть немного.

– Нам бы карабины, а то с ружьём пока перезарядил, он и ушёл. С карабина и достать можно дальше, – сказал Антон.

– Ты прав, – согласился Иван. И оружие надо нарезное, и продукты кончаются. Женя, ты связаться можешь с начальством.

– Можно попробовать, – согласился он.

Из леса выходили, молча, чувствуя себя виноватыми друг перед другом. Кто мог подумать, что получится именно так. Иван охотился на медведя, но тогда это была охота, а сейчас какая-то война. Противник оказался очень хитрым и опасным. Охотники почувствовали на себе, как зверь добывает пропитание, ощутили каково это быть предметом охоты. Конечно, можно было и ещё рискнуть, устроить засаду там же, и Иван сделал бы это, если бы рисковал только собой, но были другие люди, у которых опыта не

было, а, значит шанс для трагедии – большой. Особой нужды так рисковать не было, а подстраховаться, хотя бы оружием, стоило.

Участковый пытался связаться со своим начальством, но у него получалось не очень. Вчера следователь не приехал, сказали, что не смог. Теперь самому нужно оформлять нужные бумаги, а тут связь ни к чёрту.

Когда не смогли дозвониться, то решили ехать домой. Потом с карабинами вернуться и довести дело до конца. Этим вечером они и поехали. Добираться нужно было далеко и по темноте. Приехали около полуночи. На следующий день была суббота. Найти никого не удалось. В понедельник утром они узнали, что на другое утро, после их отъезда, поездом прибыл районный охотовед и привёз два карабина с патронами. Участковый Евгений взял одного охотника – промысловика, у которого были зверовые собаки и устроили засаду на том самом месте, где были с Иваном. Ближе к вечеру медведь опять появился на то же место, но на этот раз его прихватили собаки и посадили. Стрелки выпалили по нему по десятку патронов. Из двадцати патронов, цели достигли только четыре. Этого хватило. Когда стали смотреть, то выяснилось, что насквозь прошли две пули из ружья Ивана. Они прошли чуть правее позвоночника, немного зацепили лёгкое, но этого оказалось недостаточно. На лбу, пулей Евгения вырван клочок шкуры, но череп остался цел, пуля рикошетом ушла в сторону. Так же была пробита пятка левой задней лапы. И после всех этих ранений, зверь не прекратил охоту. Убитого медведя-людоеда после осмотра закопали в лесу. Собачонку забрал себе участковый.

Через две недели Пашка умер в больнице. Не справился со своим страхом. Сердце не выдержало, остановилось.

Март 2010 г.

11

Вспоминая поход за орехами по «чистому» распадку, мы часто хохотали над произошедшим. Поводом служили непредвиденные ситуации. В лесу случается всякое, но, что мы сами делаем, вот, что смешно. Была поездка за орехами не менее занятная, чем тогда, но случилась она гораздо позже.

На одной из вечеринок, мы с Иваном оказались рядом за столом. Поговорили про разное, вспомнили про «чистый» распадок, посмеялись, и Иван предложил:

– Давай ещё за орехами съездим?

– Можно, – сказал я, надеясь, что этот застольный разговор благополучно забудется. Мне было не до орех. Хотя я и находился в отпуске, но у меня так болела спина, так, что о поездке и говорить не приходилось. Давняя операция на позвоночнике напоминала о себе достойно. Боль была даже при ходьбе, не говоря уже об орехах. Там надо было работать

много.

Прошла неделя. Уже и забылся тот разговор. Однажды вечером раздался звонок в дверь. Я кое-как добрёл до двери. Там стоял Иван и улыбался.

– Что, поедem за шишками? – сказал он, заходя в квартиру.

– Какие шишки, я едва хожу, – протест мой вышел жалостливый.

– Какие проблемы?

– Спина болит, вымотала уже.

– Там и подлечишь, – Иван засмеялся. – Тайга, как доктор или вылечит, или замучит.

Иван сам тоже лечился тайгой. Почти всю жизнь он проработал в лесу. Все свои болячки лечил на работе или на охоте. Говорил, что болезнь надо пересилить, иначе она сожрёт. А он знал, что говорил, проблемы со здоровьем у него бывали серьёзные, но он не жаловался, а терпел и преодолевал недуги.

– Давай, собирайся, да пошустрей.

– Вань, я не смогу ни бить шишку, ни собирать, ни носить. Я серьёзно. Балластом быть не хочу.

– На таборе кашеварить сможешь?

– Если только на таборе, – спорить с ним было бесполезно. Иван, человек, который может едко подшутить, но в беде никогда не бросит. И если сказал слово, то выполнит. А шутки мог устроить всякие, к примеру: нужно было куда-нибудь идти в тайгу. Если в компании попадался человек самоуверенный, с гонором, то ему спокойно могли положить незаметно в рюкзак хороший камень или кирпич. После нескольких километров этот камень становился тяжелее в несколько раз. Когда это обнаруживалось, было много крику, но человек понимал свои ошибки. Но вместе с тем Иван мог тащить человека на себе, если было нужно, и не считал это чем-то особенным.

– Мы поедem на Газ-66 с будкой, особенно ничего из тряпок не бери, там у нас есть палатка и спальники. И в будке можно ночевать, она большая. Возьми продуктов, чай, сахар. Кружки, чашки, ложки – это всё есть.

– Собрался я быстро. У подъезда нас ждал старенький жигулёнок. За рулём сидел Лёха, невысокого роста, полноватый мужичок, спокойный до невозможности. Говорил он мало. В основном слушал и улыбался. После очередного мексиканского сериала к нему прилипло прозвище «Чуча». Лёха не обижался. Если его так звали, то спокойно откликался.

– Ты же сказал, что поедem на «газике», – спросил я Ивана.

– По городу, чего его гонять, он стоит и ждёт нас под парами.

Мы заехали в магазин, где я купил ещё консервов и литровую бутылку водки. Немного подумав, взял ещё одну.

– Ты куда столько набрал? – спросил Иван.

– Спину натирать буду, – усмехнулся я.

– Ну-да. Лекарство, что надо.

Четвёртым был Ванька Тимошин. Небольшого роста, худой, весь правильный до щепетильности. У него был карабин, к которому он относился очень бережно. А в общении, Тимошин оказался человеком простым и терпимым. Газ-66, чудо советской техники, уже стоял готовый. Я перенёс свой рюкзак и стал готовить себе «плацкарту». Особого комфорта не предвиделось. Всё, что находилось в будке, лежало, как попало. Половина будки была завалена «бутором», то есть, здесь валялась палатка, несколько спальников, лодка резиновая, какие-то рюкзаки. Ружья лежали отдельно. Около двери стояла небольшая, сваренная из железа, печка. Там же в углу расположились две собаки Ивана. Одного кобеля, помесь овчарки и дворняги, звали Дик, а другого, тофаларскую лайку, звали Джек. Собаки были совершенно разные по характеру, по способностям, но оба дерзкие, хорошо дополняли друг друга. Проблема была в том, что они никогда не уступали ни кому, иногда, в собачьих драках рвали друг друга в самое неподходящее время. И, бывало, что вместо охоты, они старательно зализывали раны.

В дорогу мы отправились, когда на улице совсем стемнело. Ехать нужно далеко, километров девяносто, если по дороге, а со всеми заездами, поисками, так это неизвестно сколько. Лёха был за рулём, Иван в кабине, а мы с Тимошиным в будке, где по бокам под крышей имелись два небольших окошка. В них ничего видно, только можно определить светло на улице или нет. Армейский вездеход не отличался хорошей подвеской, дороги у нас, как раз для таких машин. Нас с Тимошиным швыряло по будке туда-сюда, держаться было не за что. Уже через полчаса я тихонько проклинал себя, за то, что согласился ехать. Каждый толчок отдавался острой болью в спине. Мне уже хотелось подвывать. А водитель ехал по принципу: больше скорость – меньше ям. Потом, я кое-как приспособился, лёжа на животе, и боль перестала мучить. Тимошин тоже был не в восторге. Но, как говорится, куда деваться из подводной лодки. В будке всё равно не было ни света, ни сигнала. У собак претензии отсутствовали. Они свернулись калачиком и не реагировали на тряску. Сплошная гармония и восторг.

Часа через полтора такого счастья, мы, наконец, остановились.

Все вылезли из машины и стали ходить, разминаясь. Собаки быстро исчезли в темноте.

– Как вы там? – спросил Иван меня, вслушиваясь в тишину. Привычка охотника улавливать малейшие шумы.

– Мы хорошо, только материться очень хочется. Ты не знаешь почему?

– Это ты на поправку пошёл. Трястись в будке – хороший равномерный массаж. Я Лёху специально просил по ямкам рулить.

– Спасибо за заботу, – буркнул я.

– Ещё пару дней покататься по таким дорогам, легче станет.

Но мы ускорим процесс. Сегодня переночуем здесь, а завтра дорога ещё хуже будет, а

кое-где и вовсе сплошной массаж, так, что будет ускоренный курс лечения и, заметь совершенно бесплатно.

– Спасибо, благодетель ты мой, – я, конечно, понимал, что Иван пытался хоть немного поднять мне настроение.

– Поплыву, сетёнку брошу, может за ночь, какой дурак и залезет, а вы организуйте костёр, вернусь, перекусим. Дрова есть под тряпками в будке.

– А орехи в будке не завалялись? – спросил я.

– Если за шишками ехать и орехи везти – удачи не будет.

– А ехать в лес и дрова везти – это, как?

– Здесь река, а не лес, сюда можно, – Иван взял лодку, рюкзак с сетями, фонарик и пропал в темноте.

Лёха такой же нерасторопный, как и я. Больше суеты. А вот Тимошин очень быстро организовал костёр, какой-то столик. И минут через пятнадцать уже было уютно и тепло. Мы стали доставать снедь. Вскоре всё было готово. На расстеленном брезенте стояла водка, разнообразная закуска, на костре шипел котелок с водой. В лесу любой обед без чая, зря потраченные продукты и время. Чай, да ещё заваренный на речной воде, это, что-то особенное, да если ещё добавить листьев смородины, или ягод шиповника, то можно простить и тряску в машине. И всё плохое можно простить, и забыть. Ночью у костра, под рюмку, другую водки, это настоящий кейф, для тех, кто понимает.

Пришёл Иван. Подошёл тихо, если бы немного раньше не прибежали собаки, то ни за что не услышишь. Собаки покрутились у стола, но отошли в сторону, улеглись и стали ждать, что, возможно, что-нибудь перепадёт и им со стола. Нахально не лезли, не были приучены. Хотя без присмотра оставлять ничего нельзя, уведут.

Мы расположились на пологе. Земля уже прохладная и влажная. Разливал Иван. Делал это без суеты, но быстро и аккуратно.

– Думаешь, попадётся, что-нибудь в сети? – спросил Тимошин.

– Вдруг и залезет сдуру кто. Пусть стоит, утром сниму, да поедем дальше, может на уху будет.

Пить много не стали. На четверых опустошили литровую бутылку, посидели у костра, да отправились ночевать. Спали в будке. Там места хватило на всех. После выпитого было тепло и уютно. Я уснул сразу и спал хорошо, даже спина не мучила.

Утром Иван сходил, снял сети. Улов был невелик, но уху сварить можно. Мы попили свежего чаю и стали собирать вещи. Собаки, словно чувствовали, что нужно ехать, никуда не отлучались и находились рядом с машиной. Потом началось всё сначала. Опять трясло машину, спина сразу напомнила о себе. И опять стало некомфортно. Я пытался, как то приспособиться, но обещанная плохая дорога уже началась, и нас с Тимошиным швыряло едва ли не по всей будке. Даже собаки и те уже не ложились, а стоя, пытались поймать

равновесие и не упасть. Материться было бесполезно, не помогало, и я просто сжал зубы и пытался смягчать толчки. Времени прошло немного, и машина остановилась. Мы приехали в деревню, где стояло всего пять жилых домов. В одном из них проживали наши родственники. Остановились просто узнать обстановку, где, что можно промышлять орех. Пётр Иванович, хозяин дома, как и его жена, были добрейшие люди. Я их знал с детства, как и они меня. Встретили приветливо. Хотели, было, накрывать на стол, но мы отказались, сказали, что поедem скоро. Пётр Иванович принёс литровую бутылку самогона, и нам пришлось задержаться. Выпивали прямо возле машины. Так проще и не нужно обременять хозяйку лишними хлопотами. Она поругала нас немного, для приличия, и вынесла нам закуски на улицу. За разговором, мы выпили весь самогон, я достал бутылку водки. Хозяин, было, стал отнекиваться, но мы сумели его уговорить. Когда же допили и водку, Пётр Иванович хотел ещё нести самогон, но мы категорически отказались. Все были в хорошем подпитии, а нам надо ещё ехать полтора десятка километров там, где дороги практически нет. Где на тракторе проехать проблематично. Отправились уже после обеда. Поначалу всё было неплохо, спиртное действовало, но потом и это перестало помогать. Тогда я просто старался не думать о дороге и о том, как нас трясёт. В одном месте машину стало раскачивать из стороны в сторону, будка подозрительно скрипела. Казалось: вот-вот и оторвётся или машина перевернётся. Единственно, что радовало, это наш вездеход. Он полз по грязи, по рытвинам, ехал среди кустов и деревьев и ни разу не забуксовал. Охватывала гордость за автомобили, и за дороги. Остановились передохнуть, когда прошли самое сложное. Рядом текла чистая по-осеннему и спокойная река. Невдалеке виднелся железобетонный хороший мост. Я, даже, не догадывался, что здесь может быть такое сооружение.

– Он уже давно стоит, сказал Иван, – лес через него вывозят в леспромхоз. Здесь недалеко есть село, туда и везут.

– А дорогу нельзя сделать, ведь где мы ехали, это не дорога.

– Лесовозные отсыпали, поедem, увидишь. А эта никому не нужна.

– Но ведь, других дорог нет здесь.

– Вот так и ездят. Ещё есть дорога за рекой, по ту сторону железной дороги. Она хоть и отсыпана, но проехать можно только на вездеходе.

– Река красивая.

– Сейчас лес не плавят, вот и красивая. Правда, в верховье и не плавили. Но лес вырубили, и река обмелела.

– Рыба там есть? – спросил я.

– Есть, но добраться туда только на моторе, а сейчас бензин столько стоит, что не захочешь и рыбы. Дешевле купить. Я был в верховье, на вертолёте забрасывали на пожары, да и на моторе ходил. Там река маленькая. Рыбы полно. Но есть проблема, поймать можно

много, но пока спустишь сюда, может пропасть. Если холодно, то нормально, но когда тепло, тогда и соль не помогает. Хариус – рыба нежная. Размякнет, расползётся и завоняет.

– Куда поедem за шишками? – спросил Тимошин.

– Я думаю, что надо заскочить в деревню, спросить у охотников, где есть орех. Просто так, мы бензин спалим, а ничего не найдём. Я знаю места, но где сейчас орех есть, кто его знает. Может быть такое, что шишку спустила кедровка, или ветром уронило, а на земле день, другой и её приберут лесные жители.

– Зверьё, что ли? – уточнил я.

– Ну, конечно. Они, тоже, чего-нибудь вкусного хотят.

– Поехали тогда, чего стоим?

Через двадцать минут мы остановились на окраине села около небольшого, но ухоженного дома. Аккуратный палисадник, тротуарчики. Брусовой дом обшит рейкой и покрашен. Около дома стоит турник. Перекладина отполирована, видно, что им пользуются. Из дома вышла хозяйка. К своему удивлению, я узнал её. Она приходилась мне какой-то дальней родственницей, как и Ивану. Но он-то знал, что они здесь живу, знал её мужа и детей, двух, уже взрослых сыновей. Иван и хотел переговорить со старшим сыном, который был рыбак и охотник, где есть шишка. Хозяева обрадовались нам. Вскоре был накрыт стол, и началась основательная гулянка. Выпить хозяева любили, а повод был хороший. Мы вытащили всю оставшуюся у нас водку. С этого и началось. Потом принесли самогону, потом бражки. Дело дошло до гармошки и баяна. Хозяин хорошо играл на баяне, он в своё время закончил культпросвет училище, и работал худруком в клубе. Хозяйка хорошо пела. Я играл на гармошке. После пения дошло и до пляски. Веселье перешло во двор, застеленный досками. Когда на помощь подошли соседи со своей выпивкой, плясали уже на улице, прямо около дома. Люди приходили и уходили, пели и плясали. Никто не спрашивал, что за праздник. Мужики наперебой рассказывали, где ещё можно найти шишки. Оказалось, что несколько дней назад здесь похозяйничал сильный ветер, и шишка почти вся сошла. Где она ещё осталась, конкретно никто не знал. Но это уже было неважно. Деревня гуляла, по крайней мере, та часть, где мы находились. Тимошин, не особый любитель таких мероприятий, ворчал, что зря потеряли время, но Иван успокаивал его и говорил, что мы, хотя бы узнали, что шишка сошла, и, что зря не гробим технику. Но завтра мы обязательно найдём нетронутое место, и пустыми мы всё равно не уедем. Лёха сидел и улыбался. Выпивал, когда подносили и, молча следил за весельем. Я не выпускал из рук гармошку. Когда стало темнеть, веселье пошло на спад, но остановилось не скоро. Постепенно перемещаясь назад, в дом. Когда всё закончилось, я не видел, положив гармонь, незаметно ушёл, забрался в будку и улёгся спать. Лёха с Тимошиным были уже там.

Иван ночевал в доме. Собаки нашли приют под машиной. Второй день нашей поездки закончен достойно. Орехов мы и в глаза не видели. Это и не важно, главное людей

порадовали, как сказал потом Иван.

Утром тяжело было всем. Только Тимошин выглядел посвежее, он пил немного, а другие, и я в том числе, выглядели неважно. Мы, начали, было, понемногу собираться, как откуда-то появилась хозяйка и принесла полуторалитровую пластиковую бутылку самогона. После первой рюмки, жизнь стала налаживаться. У всех лица стали светлеть, только Тимошин мрачнел. Но, понимая, что от выпивки никого не оттянешь, терпеливо молчал. Мы и сами понимали, что пора заканчивать. А тут ещё стали подходить люди, проводить нас. Проводы удались на славу. Лёха едва залез за баранку, Иван начал философствовать, что делает лишь в хорошем подпитии, выглядывая из окна кабины. Тимошин совсем не пил, я тоже был пьяненьким. Когда мы отъезжали, люди, стоявшие около дома, махали руками, а хозяин на баяне играл марш «Прощание славянки». У некоторых на глазах были слёзы.

Дальше поехали с чувством большой значимости и гордости. Сделать праздник для целой деревни – это вам, не воробьям на лету фигурки показывать. А здоровья сколько потрачено. И, может, даже, не зря. Видно, именно с такими мыслями с нами приключился конфуз. На полном ходу наша машина влетела в огромную колею, и мы застряли. Машина зависла на мостах. Колёса вхолостую шлёпали по грязи, разбрасывая её во все стороны. Посадка случилась капитальная. Мы, с умным видом, ходили вокруг машины, оценивая нашу ситуацию. Лёха сразу сказал, что без трактора выбраться не удастся. Тимошин тихонько ругался. Я молчал, а Иван сказал, что это мелочи и скоро мы поедем дальше. Он залез в будку, долго гремел вещами, потом вылез с топором. В это время в полукилометре мимо проехал ЗИЛ 157. Это тоже шедевр вездеходной советской техники. Мы прислушались. Мотор немного погудел и заглох.

– Я пойду за подмогой, – обречённо сказал Лёха и ушёл.

– Иди, проветрись, а то не видишь куда рулишь. Лёха промолчал. Иван срубил небольшую берёзку и стал засовывать под колёса. Оказалось, что одной недостаточно. Мы с Тимошиным тоже стали таскать всякий хлам, что бы заполнить колею. Потом Иван сел за руль и попытался выехать. Затем опять таскали коряги, сучья и всё, что попадалось под руки, и кидали в колею, но она была безразмерная. Лёха ушёл и пропал.

– Наверное, уснул по дороге, – засмеялся Иван, полный оптимизма.

Мы ещё долго возились с машиной. И успех пришёл. Машина выехала из ловушки. Едва мы успели обсудить наши дела, как вдруг перед машиной возник человек. Он оказался нашим знакомым. Это был Петька, сосед, живший недалеко от моих родителей. Петька немного младше меня, он больше дружил с моим младшим братом. Иван тоже знал его.

– Ты, чего, заблудился? – спросил он, улыбаясь. Казалось необычным встретить в лесу, среди грязной лужи соседа.

– Хуже. Мы застряли там, – он головой кивнул в сторону, откуда пришёл, – Может, дёрнете?

– Сейчас Чуча придёт, поедem и дёрнем.

– А где он?

– Пошёл за подмогой. Что-то долго нет.

Лёха пришёл вскорости. Он увидел, что машина уже вылезла из грязи, и улыбнулся. Ничего не сказал, ничего не спросил.

– Чего так долго? – не вытерпел Иван, – спал, наверное?

– Машину ждал. Они столбики грузили.

– И где машина?

– В болоте провалилась. Пустые они проехали через болото, а гружёные провалились.

Тянуть надо.

– Здесь вон рядом газик в луже утонул, тоже надо тянуть.

Когда подъехали на место, картина оказалась унылой. Личный Газ 66, как оказалось ещё одного нашего соседа, сидел в огромной луже. Вода была, даже, в кабине. Хозяин машины Оськин, проживавший на соседней улице, неподалёку от моих родителей, сидел за рулём и улыбался.

– Чего якорь бросил, плыл бы дальше, – засмеялся Иван, – а мы проехали здесь нормально.

– Я уже смотрел, вы объехали по лесу.

– А ты решил напрямую?

– Нет. Мы ехали ночью, смотрю, лужа и лужа, кто мог знать, что в ней дна нет. Хорошо сообразил переключиться на второй бак. Посмотри, один бак полностью в воде, а у второго едва горловина торчит.

– Ну, и, как тебя вытаскивать?

– У нас есть длинный трос, мы зацепим себя за фаркоп, а вы объезжайте по лесу и там зацепимся. Тянуть надо назад.

– Заводить пробовал? – спросил Иван.

– Нет, сейчас попробую. Выхлопная труба в воде, боялся, чтобы воды не засосало.

Оськин попробовал завести мотор, и тот сразу запустился. Только работал необычно. Звук мотора был непривычным. Выхлопная труба булькала в воде, и звук был очень тихий. Молодой парень, сидевший в кузове, прямо оттуда стал цеплять трос. Для этого ему пришлось окунуться с головой в воду. Хорошо, что вода в луже отстоялась и была чистой. Другой конец не очень толстого троса он свернул кольцом и бросил на берег, где его подхватил другой парень из их компании, мне незнакомый, и потащил к подъезжающему через лес Лёхе. Дальше всё получилось быстро. Подцепили трос, едва только дёрнули, и машина Оськина сама покатила назад. Видно, колёса достали до дна, а наша советская техника не подвела. Дальше всё просто. Две машины объехали гиблое место по лесу и остановились неподалёку от нас. Нас пригласили к столику, расположенному рядом с лужей.

На столике была простенькая закуска, а рядом стояла пятилитровая канистра с самогоном. Ребята полночи отмечали заезд в тайгу (или в лужу). И началось, и пошли разговоры. Выпили по паре рюмок, как все услышали шум мотора. Ехал трактор. Какое-то время мы смотрели на гору, откуда шёл звук, пока не показалось очередное чудо нашей технике, способное бороздить просторы беспролазной грязи. Трактор был настолько старый, что таких сейчас найти, практически невозможно. У него не было кабины, и не потому, что её сняли, а потому, что на эти модели и на заводе их не ставили. МТЗ-5, я на таком лет тридцать пять назад рулил, сидя на коленях у своего дяди. И мне тогда было пять лет.

Трактористом оказался тоже знакомый. Его звали Сергей, родом из нашей деревни. Виделись в последний раз мы с ним давно, я и не припомню когда. Он остановился, спросил, не нужна ли помощь. Потом приглядевшись, заулыбался.

– Здорово, мужики! Чего сидим?

– Встреча у нас тут, – хохотнул Иван. Решили отметить это дело.

– Погодите-ка, – Сергей вернулся к трактору и, взяв литровую пластиковую бутылку, вернулся к нам. Ресторан «У грязной лужи» открылся. Мы подходили к столу, выпивали, разговаривали, кто-то курил. Все были заняты. Только Оськин с Лёхой возились у машины, ночевавшей в луже. У них были проблемы. А у остальных всё хорошо. Есть выпивка, закуска, есть о чём и, главное, с кем поговорить, хорошая погода позволяет. Только Тимошин был грустный, но тоже изредка подходил и выпивал. Машину Оськина наладили, и здесь вдруг Иван вспомнил, что ЗИЛ со столбиками утонул в болоте и его надо выручать. В тайге никого бросать нельзя, решили все и с энтузиазмом стали рассаживаться по машинам. Столик вместе закусками затащили на кузов, не убирая продуктов. Чтобы не забыли выпивку, проследили все.

Двумя машинами, едва ли не с песнями, мы ехали на выручку наших товарищей по несчастью, застрявших в болоте. Позади, медленно семенил трактор, старательно выбрасывая из трубы чёрный дым.

ЗИЛ завяз прочно. Хотя все и понимали, что машинами вырвать его невозможно, но попытаться надо. Чтобы остальным было нескучно наблюдать, опять организовали застолье, ресторан назвали «На болоте». Все попытки выдернуть машину не дали результата. Чуть, было опять, не засадили машину Оськина. Потом всё-таки решили отказаться от бесполезного занятия. Все собрались около столика. Мужики из застрявшей машины, оказались из деревни, где мы ночевали и были знакомы с Иваном.

– Мужики, я смотрю, здесь многие знакомы, а встретиться где-нибудь поближе к дому нельзя? – спросил я в шутку.

Раздался хохот. Оказалось, что хоть тайга и большая, но в ней происходят встречи в таких местах, что только диву даёшься. И для некоторых присутствующих, такие, казалось бы странные встречи, вовсе не редкие.

– А где ещё встретиться, если не в тайге, разве, что на рынке, – сказал Иван. Всем стало весело. Мы вспомнили про орехи, когда самогон закончился. И мы, и команда Оськина, решили, что не зря приехали сюда, выручать застрявших, но пора ехать и по нашему делу. Так, как мы почти сроднились, то ехать договорились двумя машинами, на всякий случай. Если кто увязнет, то, будет кому выручить.

Когда мы отъезжали, на помощь ЗИЛу спешил большой трактор.

Наши машины шли друг за другом. Они впереди, мы следом.

Так продолжалось довольно долго. Мне не мешала болтанка в будке, Тимошин угрюмо молчал. Собаки лежали у двери безучастные. Как себя чувствовали сидевшие в кабине, я и не пытался представить. Мы ехали, а куда, разницы не было. Когда остановились, у меня наступила апатия. Все снова вылезли и стали осматриваться. Кругом стояли вырубба. Сколько леса отсюда вывезено трудно и представить. Много лет понадобилось, чтобы забрать весь лес. Только узкая полоса сохранённого кедра, стояла внизу от дороги. Мужики с передней машины пошли на разведку. Вскоре они вернулись и принесли неутешительную новость. Шишка вся на земле и уже выпотрошена. Смысла оставаться здесь, не было. Иван чувствовал себя плохо. Большое количество спиртного делало своё дело. Мы решили ехать назад, а Оськин со своими спутниками продолжить поиски. Кое-как нашли место для разворота и поехали назад. Остановились на берегу реки. Иван попросил. Тимошин развёл костёр и стал варить крепкий чай. Он в таких случаях очень помогает. Мы просидели около часа, попили чаю, немного взбодрились. Пока Иван спал, мы стали решать, что делать дальше. Сошлись на том, что самое лучшее – это ехать домой. Когда всё было решено, подъехал Оськин, и проснулся Иван. И наше решение уже ничего не значило. Повторный совет порешил – ехать в другое место. И надо было отправляться быстрее, потому, что ехать далеко, а времени оставалось мало. Скоро стемнеет. Мне было всё равно, а Тимошин воспрял духом. Поход за орехами продолжился. Мы опять ехали и ехали, снова буксовали, снова ехали. Когда машины остановились, было уже совсем темно. Ехали бы и дальше, но кончилась дорога. Решили переночевать, а утром будет видно. Допили остатки спиртного, что бы завтра заняться работой, а не пьянствовать. После тяжёлых дневных забот, спалось хорошо. Утром выяснилось, что здесь тоже можно поискать кедровые шишки. Все ушли на промысел, на таборе остались я и Оськин.

Я на своём таборе, он на своём. Я стал готовить борщ, чтобы горячим подлечить наши уставшие организмы. Борщ получился наваристый, хоть и приготовленный с тушёнкой. Мужики пришли с орехами. Каждый принёс по мешку шишек. Поели горячего, заулыбались и решили ещё раз сходить, а вечером ехать домой. Мужики с другой машины решили остаться здесь ещё на некоторое время. Они сделали табор, достали из кузова мотогенератор, провели свет, подключили электрическую молотилку, для шишек. Лёха, Тимошин и Иван пошли ещё раз пошли в лес. Соседи, вскоре, тоже ушли. Я стал мыть

посуду, собирать вещи, и поставил котелок с чаем поближе к костру, работники вернутся, попьют горячего. Оськин стал сливать бензин из бака, бывшего в воде, отстаивал, чтобы хоть, что-то иметь в запасе. Дорога домой длинная. Наша команда вернулась ближе к вечеру. Принесли ещё по мешку шишек. Лёха, как обычно, молча, улыбался. Иван с Тимошиным о чём-то спорили. Оказалось, что они видели коз, но стрелять толи не стали, толи не успели. Но не горевали об этом. Как говорил Иван, «значит, не наши были», в этом весь смысл. Прощались с мужиками трогательно, каждый жал друг другу руку, словно уезжали на войну. Дружба, изрядно обмытая спиртным, стоит дорого и морально, и материально. Дорога назад была без приключений. Ночь. Темнота. Завывание мотора.

Однажды остановились посреди поля. Решили посмотреть, нет ли зверя поблизости, который мог находиться в этом месте. Постояли, посмотрели, послушали и поехали дальше. Остановились ещё раз. Вдруг стал стучать карданный вал. Подвесной подшипник развалился, и вал стучал по будке снизу. Лёха полез под машину, посмотрел, потрогал и выдал вердикт:

– Доедем.

– Точно? – спросил Иван.

– Точно, – успокоил Лёха.

– А если сломается?

– Тогда не доедем, – невозмутимо ответил Лёха.

– Лёха, может, запустить того, кто стучит, – спросил я.

– Вы подальше держитесь, а о, он, как бы сам не залез посреди пола, – Чуча снова улыбался.

Мы ещё сварили чаю, попили и отправились дальше. Добрались благополучно. Чуча не соврал. Только непрерывный стук надоед, а остальное нормально. Мы были уставшие, ведь шишкойой – это тяжёлая работа. А для отчёта по мешку шишек у нас было.

– Как твоя спина? – спросил меня Иван, не вылечилась.

– Ещё не знаю.

– Я же говорил, что поможет.

– Завтра будет видно.

– Если сейчас не болит, то и завтра будет нормально.

Домой меня привезли за полночь.

Ещё неделю я отходил от поездки. Болела не только спина, но всё внутри. Жена давала мне таблетки, делала уколы.

Что не говори, а за орехами съездить – это не на диване валяться да телевизор смотреть, тут закалка нужна.

Март 2010 г.

Наступил март. Морозы ещё не сдавались, но солнце уже несло тепло. В тихих уголках, куда не добирался ветер, начинал таять снег. Появились небольшие сосульки, совсем короткие, тонкие, словно первые отростки на черёмухе. Отражаясь от чистого снега, свет был настоль ярким, что резал глаза. Приближение весны ощущалось.

Все мои соседи в этот тёплый день повылезли из своих домов, радуясь теплу и подготавливаясь к таянию снега. Стали прокапывать канавы около своих домов, чтобы верховая вода не заходила во дворы, не протекала в подполье. Снега в этом году было столько, что многие не помнили такого. Если весна будет дружная, и снег станет бурно таять, то проблем не оберёшься, но бывало и так, что днём пригревает солнце, а ночью примораживает, тогда снег сходит не так опасно.

Ко мне подошли соседи. Просто так, поздороваться, поговорить, постоять, куря сигарету и щурясь от весеннего солнца. Подошёл и Прохор. Мы с ним хоть и виделись изредка зимой, но это было мимоходом, и поговорить со стариком, как-то не доводилось. Он стоял напротив меня, оперевшись на лопату, потягивая дешёвую сигарету, и щурился толи от солнца, толи от дыма. Видно было, что он сдал за зиму. Морщин на лице стало больше, глаза потускнели. Недельная щетина, совсем белая, старила ещё больше.

– Как дела, сосед? – спросил я старика.

– Ничего. До весны вот дожил, теперь чего, живи и радуйся. Скоро в огород залазить надо, там нечего будет думать. Нынче всё придётся самому, бабка моя совсем ослабла, едва по дому ходит.

– Скоро потеплеет, будет на улицу выходить, там легче станет. Зима у нас очень уж длинная. Мне тоже тяжело стало, но планов на весну и лето много, так, что надо не унывать.

– Не унываю, а всё равно время своё берёт. Сосед Серёга, щуплый, пятидесятичетырёхлетний мужик предложил мне сообразить на пиво ради выходного, но я не поддержал его в этом деле. А Сашка, ещё один наш сосед обрадовался предложению, и они ушли покупать самогон. В наше время самогон дешевле и надёжней водки, потому, как в магазине можно купить всё, что угодно, но не водку, ту, старых времён, вкус которой уже и забыли. А самогон, какой был, такой и сейчас.

– Не терпится им, – буркнул Прохор.

– Ладно, пусть соображают. Всё равно не успокоятся, пока не примут на грудь.

– Бог с ними. Сам такой же был, а вот сейчас не терплю.

– Я тоже решил бросить пить, – сказал я.

– Чего так?

– Умел бы пить, и ладно, но ведь сколь не пей, всё мало. Пока не отключишься.

– Это так, – согласился старик.

– Вот чем так пить, уж лучше совсем не пить.

– Что ж бог в помощь. Если духу хватит, то не пей, – согласился Прохор.

– У тебя же хватает?

– Что на меня смотреть, я уже старый, и здоровья нет. И бросил-то по болезни.

– Согласен, эта зараза здоровья не прибавляет. И какой здесь дух нужен? Сам берёшь стакан, сам пьёшь, никто не заливает. Не бери, не пей, вот и весь дух. Я и курить так бросил. В руки не беру, не то, что в рот. Вот и все дела.

– Кабы всё так просто, то все не пили бы и не курили. Я сколько годов курю и не могу бросить. Уже было решился, два часа не курил, оно, как засосёт, занает, что сил нет. Рукой махнёшь и соску в рот, как дитя малое. Хорошо становиться сразу.

– С водкой же справился.

– И тоже не просто так. Помучался. Правильно ты говоришь, что не умеем пить. К примеру, рюмку, две вечером за ужином выпил и хватит, но пока не закончится водка, не можем успокоиться. А потом ищешь где похмелиться, да подлечишься на другой бок.

– У нас был такой случай, что с рыбалки бутылку водки домой привезли, – рассмеялся я, вспоминая тот случай.

– Брешешь, ты, однако. Чтобы с рыбалки водку домой привезти, такого случая я не слышал, – сказал Прохор, – Врёшь ты. Не верю.

– Мне кто сказал бы, и я бы не поверил. Но так оно и было. У меня свидетель есть, если хочешь.

Я стал рассказывать историю и комичную, и трагичную:

– Случилось это в середине восьмидесятых. Ещё до перестройки. Но уже тогда с пьянством начинали бороться. Я работал на железной дороге. Рабочее место располагалось рядом с локомотивным депо, хотя числился я в другой организации, но обслуживали мы локомотивы. Со мной работал и специалист из депо. Сашка, как я его звал, был немного постарше меня. Знакомы мы с ним с детства, потому, как родились и выросли в одной деревне. А в данный момент, мы являлись ещё и родственниками. Характер у Сашки непростой. Хотя роста он среднего, худощавый, но если он злился, то остановить его было сложно. Специалист он хороший, и человек в работе ответственный. Я и после много лет работал с ним, и всегда в работе лучшего специалиста, чем Сашка, нужно было поискать. В общении между нами проблем никогда не возникало, что для многих было удивительно. Сашка предложил съездить на рыбалку. В депо рыбаков четверть коллектива. Кто-то лучше, кто-то хуже, но на перекурах было столько рассказов о приключениях на рыбалке, что уборщица не успевала выметать чешую, летевшую вместе с трёпом прямо изо рта говоривших. Никто и не пытался развенчать выдумки, просто хохотали или поддакивали. Сашка тоже был любителем порыбачить. У него имелась резиновая лодка, разные снасти,

имелись и сети. Он не терпел шумных компаний, ездил один, или вдвоём. Про меня, как про рыбака, сказать нечего. В детстве ловил на удочку пескарей, бывало, присутствовал в компаниях рыбаков на реке, но больше отмечая чей-либо улов, или неудачи.

Собирались долго. Но вот пришёл и наш час. После ночной смены, мы прямо в депо загрузились в заднюю кабину электровоза. Машинист и его помощник, были знакомыми, поэтому проблем не возникло. Часа через полтора наш десант выгрузился в нужном месте.

– Погода сегодня нормальная, не холодно, – сказал я, когда поезд ушёл, и наступила непривычная тишина.

– Нормальная, давай не болтай, тащи всё на берег, – Сашка сразу принял серьёзный вид.

Вскоре накаченная лодка стояла, готовая к спуску. Мы укладывали рюкзаки, готовили снасти. Уселись и отчалили. Первые полсотни метров ещё устраивались поудобней, а потом я предложил:

– Может граммов по несколько пропустим?

– Теперь можно, – согласился мой напарник.

У нас с собой было четыре бутылки водки. Ехали мы с ночёвкой, надеялись, что хватит. Когда вышли на тихую воду, я стал вытаскивать закуску и стаканчики. Погода, как на заказ. Яркое осеннее солнце расплёскивалось по воде, отражаясь, слепило глаза, немножко пригревая. Яркие красно-жёлто-зелёные берега молчаливо и величаво склонились над рекой. Прозрачная, холодная вода, едва шевелилась. Настроение на все сто. Выпили по стаканчику. Небольшие складные стаканчики были у многих рыбаков и охотников. Места занимали мало, а пользы приносили много. Закусили немного и закурили. Красота. Стало светлее и теплее. Восторг захлёстывал. Пришлось добавить ещё. И осень превратилась в лето. Когда через час доплыли до ближайшей деревни, расположившейся на высоком берегу реки, у нас осталось только две бутылки. Счастью не было предела.

– Так нам и до вечера не хватит, – сказал я, – хорошо пошла, а главное на пользу.

– Нужно ещё взять в деревне, дальше магазинов не будет, – ответил мой напарник.

– Какие проблемы? – спросил я, – сейчас схожу.

– Не дадут.

– Почему?

– Сейчас уборочная, в деревнях не продают водку.

– А я попробую, – мне было необычайно весело, – попытка не похмелье.

Магазин расположился посреди деревни. Обыкновенный рубленый дом, с пристройкой под склад, с небольшим крыльцом. Двери на замке. Рядом на старых сухих брёвнах сидели старики. Они давно приметили меня и провожали взглядом. Каждый новый человек в деревне, как событие. Всем нужно знать, кто такой, куда пошёл, к кому приехал? Свои деревенские надоели друг другу, и хотелось чего-нибудь новенького.

– Здорово, мужики! – поприветствовал я, – а магазин, что, не работает?

– Здорово, мил человек, – ответил один из них, а другие лишь кивнули головами.

– Так, что магазин?

– А тебе чего купить надо? – спросил всё тот же старик.

– Водки бы прикупил, у нас кончается.

– Водку не продаёт, у нас уборочная идёт. Запрещено.

– Не подскажите, где продавца можно найти? – спросил я, надеясь, что у продавцов в деревнях бывает водка и дома. Там к продавцу приходят в любое время, когда понадобится, и чтобы не открывать среди ночи магазин, продают прямо из дома. Все деревенские про это знают, и не только деревенские.

– Она живёт вот здесь, рядом, только бесполезно, – старик рукой показал на дом. – Сходи, если хочешь.

Калитку открыла миловидная молодая женщина. Она спросила взглядом чего это мне нужно. Наверняка она знала цель моего прихода.

– Прекрасно выглядите, – улыбнулся я.

– Хорошее начало, – не смутилась она, – что ещё?

– Водки можно купить пару бутылок?

– Теперь проза пошла. Запрещено продавать водку, – теперь улыбалась она.

– Я совершеннолетний, или не похоже.

– Похоже, но только причина другая.

– Честное слово, я подрывать уборку столь ценного урожая не буду. Я сейчас сяду в лодку, и буду бороздить просторы вашей реки, если хотите, даже и на реке не буду мешать механизаторам топтать поля.

– Ладно, словоблуд, деньги давай здесь, и пошли на склад, – я не думаю, что сразил её своим трёпом, просто она видела, что я действительно с реки, и сейчас исчезну. Мы прошли с ней во двор магазина, она открыла склад и подала две бутылки водки.

– Спасибо, красавица.

– Иди, подхалим, но больше не приходи, мне и сейчас покоя не дадут старые сморчки.

– Это кто?

– Вороньё, около магазина целыми днями сидят, откуда, только деньги берут.

– Спасибо, – я пошёл к реке. Старики встали и направились, было к складу, но продавщица так прикрикнула на них, что никто не решился ей противоречить.

Сашка сидел на берегу и курил. Увидев меня, он буркнул:

– Что, зря сходил?

– Нет, взял, – я показал водку.

– Ну, давай за успехи выпьем, – Сашка пошёл лодке, которая наполовину была на берегу.

– Давай за успех.

По стаканчику мы выпили на берегу, а потом поплыли. По пути прикладывались ещё и

ещё...

Проснулись мы от холода. На ровном галечном берегу едва дымился небольшой костёр. Вещи разбросаны повсюду. Около костра сооружён столик, на котором разбросаны все продукты. Полбутылки водки стояла среди еды, одна целая лежала сбоку. Только от одного вида этого наступала тошнота. Вид наш был настолько жалкий, что даже костёр перестал дымиться.

– Ружьё не видел? – спросил Сашка.

– Нет, не видел.

– А не помнишь, может я ходил куда-нибудь.

– Нет, не помню, – мне даже отвечать было тяжело.

– Хоть, что-то помнишь?

Я стал вспоминать нашу эпопею. Когда мы осилили третью бутылку, стали пьянеть сразу. Уже плыли с песнями, рыбачить было некогда. Потом заплыли в «старицу», там Сашка попытался поставить сеть, но всё запутал, разозлившись, порезал сеть ножом и выбросил в реку. Я ещё помнил, как мы выплыли из старицы и всё. Дальше в моей памяти ничего не было. Сашка не помнил и этого. Конфуз полный, хорошо свидетелей нет. Мы некоторое время сидели, тупо смотрели на реку, потом, не сговариваясь, стали собирать вещи. Наступали сумерки, и стало холодать ещё сильнее. Здесь находиться невозможно, дров на ночь не найти, поэтому нужно было плыть дальше, туда где и собирались ночевать. Там у Сашки были спрятаны котелки и прочая посуда, там были дрова и шалаш. Но до этого приюта нужно ещё добираться несколько километров, а темнота сгущалась стремительно.

– Может, похмелимся и двинем? – спросил мой собутыльник.

– Если хочешь, выпей, а я не могу, меня и так тошнит.

– Честно сказать, я тоже не могу, спросил так, вдруг ты захочешь,

– Если нет, то давай отчаливать, темно уже.

Плыли молча. До предполагаемой остановки добираться ещё далеко. Веслами не гребли, лишь слегка направляли по течению. Небо вызвездило. Стало ещё холоднее. Река словно затаилась, ни шума, ни всплеска. Так тянулось довольно долго. Когда мы добрались до места, появилась надежда согреться. Сашка пошёл посмотреть, какие у нас шансы отдохнуть. Вернулся он быстро.

– Там всё разгромлено, ничего нет. Кто-то напакостил.

– И, что дальше? – спросил я.

– Поплыли дальше, там есть железнодорожный тепляк. Там должна быть печка. Там переночуем.

Я ничего не сказал. Знал, что до тепляка недалеко, и терпеть недолго. Мы причалили к травянистому берегу. Ноги путались в высокой высохшей траве. Шагать было тяжело, но это хоть немного согрело. То, что осталось от тепляка, выглядело плачевно. В небольшом,

сложенном из старых шпал домике отсутствовали дверь и окно. У железной печки не было дверки. Ни пола, ни нар, только потолок и крыша. Дров поблизости не нашлось, кроме обрезков сырых шпал, которые воняли пропиткой, но гореть совсем не хотели. Все ветки на деревьях, до которых можно дотянуться, обломаны. Нам удалось развести небольшой костерок, от которого согреться невозможно, одно расстройство.

– Давай водки выпьем по стакану, и спать ляжем, не замёрзнем, – предложил мой напарник.

– Я не могу пить, – мне пришлось отказаться от такой перспективы.

– А я стакан выпью и спать лягу, – Сашка достал недопитую бутылку, налил полный стаканчик и выпил не закусывая. Он выкурил сигарету, допил остатки и стал пристраиваться спать в домике. Он бросил на землю какие-то вещи и лёг на них. Вскоре засопел, а потом и захрапел. Он решил проблему холода. А я всю ночь пытался поддерживать хоть небольшой костерок, а иначе совсем можно замёрзнуть. Лишь под утро, я устроил себе небольшую постель на сырых еловых лапах. Бросив на них какой-то кусок брезента, я лёг лицом к костру и немного уснул. Когда проснулся, было светло. Кругом лежал снег. Немного, на два-три сантиметра, но холода он добавил. Кое-как мы собрали свои вещи. Особенно не хотела складываться резиновая лодка. Замёршая и покрытая снегом, она никак не хотела вмещаться в мешок. У нас ещё оставалась непочатая бутылка водки, про которую мы, даже, и вспоминать не хотели. Как же нам было плохо. Километра полтора, что оставались до станции, мы прошли за час. Вокзал был закрыт на огромный висячий замок. Ждать поезда пришлось прямо на ступеньках лестницы из пяти ступенек. Мы опять забрались в заднюю кабину локомотива, включили все печки. Тепло разморило нас, и мы вскоре уснули. На станции нас разбудил помощник машиниста. Мы кое-как доплелись до Сашкиного дома.

– Пойдём, разопьём бутылку, а то стыдно, что домой привезли, – сказал он, – засмеют нас.

– Ты, как хочешь, а я не могу, мне ещё до дома тащиться.

– Ладно, тогда я принесу на работу, за обедом и выпьем.

– Как знаешь.

На другой день мы, отдохнувшие и как ни странно даже не заболевшие, смеялись над нашими похождениями. Жалко было ружьё, которое исчезло неизвестно куда и утопленные сети. Хотя Сашка сказал, что сети были старые и их не грех и выкинуть. В обед, приготовив закуску, мы категорически уничтожили свидетеля нашей слабости, распив на двоих.

– А ты говоришь, что водка не остаётся, – сказал я Прохору.

– Да, куролесим мы в молодости, а потом жалуемся, что здоровья нет. Потопли бы, знать бы никто не знал.

– Сейчас-то чего про это. После драки руками махать дело не хитрое.

– Пойду я, – сказал Прохор, – замёрзать стал чего-то.

Я постоял немного, вспоминая то путешествие. Сколько их было бессмысленных, если не сказать бездумных поступков, про которые и вспоминать стыдно. Да, чего уж там сейчас. К Сашке надо сходить как-нибудь, давно не виделись. Он давно не пьёт. Бывает, рюмку пропустит в праздник, но не больше. Желудок побаливает, что ли. Интересно, отчего бы?

Март 2010 г.

13

Весна не торопилась. Пришёл апрель, но снег, обильно выпавший нынешней зимой, лежал почти нетронутый. Было несколько дней, которые расквасили дороги, но опять пошёл снегопад, закрутилась метель, по ночам стояли морозы. Уже прошла Пасха. Нынче она ранняя, в начале апреля, а весны ещё и не видать. В очередной день, когда хозяйничала пурга, я решил сходить к брату. Он жил рядом, и я частенько бывал у него, скрашивая своё одиночество. Мой брат младше меня на два с половиной года. С детства мы с ним жили, не мешая друг другу. У него были свои дела, у меня свои. Мы, практически, не пересекались в своих привязанностях, поэтому не дрались, ничего не делили. Потом меня носило по миру, а он жил на одном месте, встречались не часто и радовались каждой встрече, стараясь помочь друг другу, если была возможность. За всю нашу жизнь, а мой брат уже сейчас дед, мы с ним особо и не скандалили. Если, что и было, то по мелочи. И, сейчас, проживая рядом, мы старались больше поддерживать в делах, а не изводить. И делить нам особо нечего, может, поэтому и живётся нам легко рядом. Всю жизнь он любил охоту и рыбалку, даже, сейчас, когда здоровьем не богат, он каждую весну ходил на глухариный ток. И часто добывал. Летом бывал на реке, предпочитая ловить на спиннинг, проверяя разные снасти. Зимой, когда много свободного времени, он со своим другом Вовкой, тоже охотником, любили смотреть диски про охоту и рыбалку, вспоминая свои похождения, а также высматривая новые рыболовные снасти. Потом искали такие снасти в магазинах, опробывая их на деле. Я тоже любил смотреть разные фильмы про природу, иногда подтрунивая над ними.

В этот раз он был дома один и топил печку. Я присел на своё любимое место у окна. Говорили ни о чём. Пожаловались на свои болячки, обсудили очередные новости. Я поглядывал в окно, которое выходило на огород. Там по забору важно выхаживала сорока. Она фланировала, толи, выглядывая, что-то, толи показывала свою важность.

– Кота на тебя нет, – сказал я.

– Чего? – спросил брат, не понимая меня.

– Сорока бродит, как по бульвару.

– Высматривает, что можно стащить.

– Из «воздушки» хлопнуть её, чтобы не воровала, – сказал я, намекая на пневматическую винтовку, которая имелаась у брата.

– Хочешь, так сходи, только улетит она, как только выйдешь. Они, словно, понимают, что ты решил сделать. Чутьё какое-то у них есть. Сороки умные, а вороны, про тех и говорить не стоит. Как люди, понимают всё, чего бы, не задумал.

– Наговоришь, тоже.

– Чего, наговоришь? – спокойно возразил брат. – Ты попробуй подстрелить ворону. Если и получится, то случайно, а так она не подпустит тебя на выстрел. Хитрая bestия.

– А глухарь? Тоже, небось, не просто добыть?

– Не просто. Очень даже не просто, но есть способ, как с ним справиться, и если следовать ему, то можно добыть и не одного. А ворона, вроде бы чего там, каркает себе, но нет. Это такая тварь, что кого хочешь, доведёт до белого каления.

– Так уж и доведёт? – засомневался я.

– Ещё, как, – засмеялся брат. – У нас на работе уже давно живут два ворона. Не вороны, а ворона. Они крупнее, да и, наверное, умнее. Началось это несколько лет назад, – начал рассказывать он.

– Может и раньше, но я впервые увидел это тогда. Однажды, я работал в выходной. На территории никого не было. Делать нечего, и я сидел на скамейке рядом с дежуркой. День был тёплый солнечный, дело к обеду. Рядом возле своей будки лежала собачонка, обитавшая при дежурке, и охранявшая территорию. Непонятной породы, на вид скромная, она перекусила уже многих. Не трогала только своих работников, которых всех знала. Делая вид, что лежит и скучает, она выбирала момент и хватала за ногу. Сделав подлое дело, быстро убегала. На большой территории догнать её, а тем более поймать – пустое занятие. Звали её Мулька, да, что звали, она и сейчас жива только старенькая, но при случае цапнуть кого-нибудь для неё – большое удовольствие. Мулька тоже маялась от безделья, а потом прикорнула. Птиц я увидел случайно, просто взглянул на крышу склада, а они уже сидели парой. Возможно, им стало скучно, и они захотели повеселиться, и началось. Один ворон слетел на землю недалеко от нас и медленно направился к собачьей конуре. Около неё стояла кастрюля с остатками Мулькиного обеда. Как собака почувствовала угрозу для своей еды, я не понял, но она вдруг подняла морду и стала наблюдать за вороном. Тот, словно ничего не замечая, двигался к цели. Мулька вдруг сорвалась и со всех ног бросилась к кастрюле. Ворон нехотя повернулся и по земле стал убегать. Собака за ним. Затем птица, ковыляя, пыталась взлететь. Мулька почувствовала добычу и быстрее припустила догонять наглеца. В это время второй ворон слетел с крыши, сделав небольшой круг, стал быстро настигать Мульку сзади. Когда собака уже почти догнала улетавшего разбойника, второй нагло схватил её за хвост и немного приподнял, а потом бросил, и две птицы взлетели и сели на крышу. Мулька села и стала оглядываться, не понимая, что произошло, и куда делись птицы. Я и сам рот открыл от неожиданности, – сказал брат. – Кому рассказать – не поверят. Но этим дело не закончилось. Через какое-то время, когда Мулька успокоилась и снова

легла покемарить, эти два разбойника повторили всё ещё раз. Потом ещё. Я сидел и хохотал, а собака визжала и лаяла, только, что не билась в истерике. Ещё много раз они проделывали это в другие дни.

– Собака, наверное, дурная? – сказал я, посмеиваясь, потому, что Мульку я знал ещё со щенков, и при мне она начала кусаться. Но меня она не трогала, так, как я часто приезжал к брату на работу по разным делам, или просто поболтать.

– Если бы только её разводили эти гады. Недавно я видел, как один из воронов посмеялся над другой собакой. У нас есть кобель лет трёх, помесь кавказца и ещё какой-то крупной собаки. Он такой большой, что страшно от одного вида. Хотя характер добродушный. Зовут его Бумер. Он сейчас уже линяет, и его шерсть валяется кругом. На этот раз я смотрел в окно. Ворон был один. Он опустился на землю, набрал полный рот шерсти и стал ходить мимо вольера, в котором лежал Бумер. Кобель молча смотрел на всё это, и ничего не делал. Тогда ворон стал приближаться. Наконец Бумеру надоел этот наглец, и он с редким, хриплым лаем вылез из будки и нехотя побежал за птицей. Ворон стал так же медленно убегать, собака побежала быстрее, и птица быстрее, затем стала взлетать. Бумер почти схватил её, но ворон резко повернул в сторону, и полетел обратно, притворяясь немощным. Бумер пытаясь резко развернуться, упал, но поднялся и снова пустился вдогонку. После очередного поворота ворон полетел ещё ниже и медленнее. Кобель изо всех сил пустился вдогонку, задрав голову и пытаясь на лету схватить ворона. Но бедный Бумер не заметил, что несётся прямо на железобетонный пандус. Перед сооружением ворон взмыл вверх, Бумер со всего маху ударился в пандус. Несколько мгновений пёс лежал на земле, но потом поднял и побрёл в вольер, сильно прихрамывая. Ворон взлетел на крышу, сел и громко каркнул. Потом он ещё пытался развести Бумера, но тот больше не поддался.

– У вас собаки одурели сидя в ограде, – заметил я.

– Нет, Бумер не дурак. Хороший пёс.

– Хочешь сказать, что ворона умней собаки?

– Ворон. Умней не умней, но всё это я сам видел. Собаки тоже умеют развести, даже людей. У Ивана, помнишь, были два кобеля Дик и Джек. Однажды на покосе это было. Сосед Ивана Валентин напросился поехать помогать на покос. Человек он был не богатого здоровья, но на таборе мог хозяйничать. Все пошли косить сено, а Валентин остался варить обед. Разложил на столе хлеб, мясо, другие продукты, разжёг костёр, и стал готовить. Собаки крутились тут же. Они подходили с одной стороны, с другой, но ничего не получив, они сотворили конфуз для повара. Один из кобелей с громким лаем кинулся в кусты. Второй тоже подхватил этот порыв. Валентин взяв с собой нож, пошёл следом. Собаки медленно уводили его своим лаем от табора. Потом лай затих так же внезапно, как и начался. Валентин ещё немного постоял, посмотрел по сторонам, и пошёл обратно. Когда он

вернулся, на столе продуктов уже не было, а собаки лежали недалеко от будки и старательно облизывались. Иван даже не стал ругать на собак, сказал Валентину, чтобы в следующий раз «не хлопал ушами», и не бросал продукты без присмотра. Оказалось, что такие фокусы собаки проделывали не один раз и всегда удачно, только им не удавалось обмануть хозяина, хотя попытки были.

Мы ещё какое-то время сидели с братом, вспоминая разные курьёзы, которые происходил с ним на охоте, особенно мне понравилось, как его полдня водила по полям лиса. Подпустит на выстрел и убежит, ещё раз подпустит и убежит. Так до тех пор, пока брат не понял в чём дело и не бросил это занятие.

Потом я сидел дома у печки, думал, что, а такой уж человек – «царь зверей».

Апрель 2010 г.